

ЗВЕЗДНАЯ АВАНТЮРА

Книга о причинении добра
всему сущему и о том, куда
ведут благие намерения.
А когда два добра сталкиваются и выясняют, кто
тут добрее, — берегись,
Вселенная!

Надежда Попова

АЛЕКСАНДР ЛЕПЕХИН

ТРОПА ДО ЗВЕЗД

Звездная авантюра

Александр Лепехин

Тропа до звезд

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лепехин А. И.

Тропа до звезд / А. И. Лепехин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Звездная авантюра)

ISBN 978-5-17-156794-1

Если тебе выпало родиться лоцманом – человеком, который может усилием воли переносить космические корабли на сотни парсек, – то спокойной жизни не жди. Саймон Фишер, талантливый юный лоцман, оказывается заложником в теракте на борту звездолета и внезапно для себя окунается в пучину огромного заговора. Ему предстоит выяснить, кто хочет разрушить космическую транспортную сеть и пытается подставить лоцманские Семьи. И не все в этом расследовании будет таким, каким выглядит на первый взгляд, начиная с напавшей на Саймона рыжеволосой зеленоглазой «террористки».

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156794-1

© Лепехин А. И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Лепехин
Тропа до звезд

© Лепехин А., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Лоцман, на мостик. Лоцман, на мостик, готовность полчаса!

Саймон приближался к месту своего назначения. Коридор почти незаметно изгибался, следуя обводам старборда, потолочные панели светили мягко и без теней. Коммуникации за декоративными, покрытыми пост-кельтским орнаментом панелями неявно шуршали потоками фотонов. Все было как всегда: обыденность рабочей вахты.

В принципе, Саймон мог не торопиться: корабль бы никуда не делся. Особенно без него. Но Профсоюзные наставники и кураторы настоятельно рекомендовали стараться «не обострять» и «не заноситься». Он, собственно, старался. Получалось не ахти.

«Характер – как вещь в себе: уж если он есть, то в рукав его, словно пятого туза, не спрячешь». Эту шуточку регулярно выдавал Чжао Лян, одноклассник Саймона по учебке. Правда, совершенно непонятно было, где он ее подцепил – последние лет сто бумажные или пластиковые карты вживую можно было увидеть разве что в музее, где-нибудь в Петергофе или Берлине. Лян же вообще родился на Сириусе-Б-Четыре, а на Земле впервые оказался после зачисления на курс. Строго говоря, коренным землянином в группе был один Саймон. Все остальные «понаехали», точнее, «поналетели».

И в самом деле, характер господина коренного землянина, гордости курса и всея Академии – ну, как минимум последних пяти выпусков, – был далеко не сахарным. А также не медовым и не карамельным. Предположения по этому поводу высказывались разные.

Одни, поправляя декоративные очки, упирали на то, что лоцман – в принципе профессия специфическая, требующая вполне определенных умственных усилий, а человек думающий не может не ощущать себя в известной мере выше вот этого вот всего. Другие же ссылались на статистику, помахивая старомодными распечатками выборок и корреляций, мол, генотип лоцмана сам по себе обуславливает ряд особенностей эмоционального и личностного толка. Споры кипели, как орбитальный трафик в час пик, и утихать не собирались.

Как-то, веселья ради, Лян залез на стол с ногами и зачел одноклассникам ряд выдержек из статей, мусоливших обе версии. Саймон в дискуссии не участвовал, демонстративно отсев и отвернувшись. Учítывая, что сам оратор обладал широчайшей душой и был в доску свой парень, в его случае авторы и их источники крепко обмишурились. А вот с землянина – хоть портрет пиши: лоцман типовой, *vulgaris*¹, в привычном состоянии духа.

Ну а чего вы хотели от человека, у которого минимум шесть официальных лоцманских поколений в генеалогическом древе и половина лоцманских же Семей в той или иной степени родства? «Лоцман, лоцман, лоцман», – жужжали в уши с детства. Саймон был готов проклясть Абрахама Фишера, своего знаменитого предка, с легкой руки которого журналисты и подхватили это липкое словечко. Как тот сказал тогда: «Я тот, кто провел судно по безопасному маршруту. Получается, что я лоцман?» По всему выходило, что шуточки и шутники дотянулись до Саймона еще до его рождения.

Утешало одно: он действительно был лучшим.

Тот же Чжао Лян, несмотря на высокие ожидания своего куратора, не осилил на выпускном экзамене больше десяти парсек. Ну, десять *с квантами*, но это уже мелочи. Просьбу о пересдаче удовлетворили – явно под давлением все того же куратора, какого-то дальнего родственника Адамски-Фишеров, из побочной ветви. Сам Лян краснел, бледнел, забывал про свой обычный юмор и заявлял, что он, собственно, не претендует. На повторной аттестации выдал тот же результат – и от него отступились.

¹ Обычный (*лат.*).

«Ну что, тихоходы нам тоже нужны», – сказал ему тогда Саймон и хлопнул по плечу. Он спиной чувствовал взгляд одноклассника, пока шел по коридору к своим. К семье. К отцу, к матери, к многочисленным братьям, сестрам, дядьям, теткам и кузенам. К прямым потомкам «того самого» Фишера, безо всяких ветвей. Потому что если ты Фишер – ты всегда показываешь высший класс. А остальные пусть себе мелко плавают.

Нет, ну серьезно. Пятьдесят парсек – и это в неудачный день. Прямо скажем, на экзамене Саймон даже не вспотел. Он был слегка похмелен, это факт, – выдалась на редкость загульная ночь, и у него побаливала голова. Галстук, скатанный в компактный и крайне дорогой рулон, кокетливо выглядывал из кармана слегка помятого и тоже крайне дорогого клубного пиджака. Приходилось носить этот атаквизм, вместе с непрактичными светлыми брюками и мокасинами от Tod's². Никаких тебе гидрозащитных и адаптивных тканей, только натуральные хлопок и шерсть – именно потому на брюках красовалось слегка замытое, но отчетливое пятно. То ли Glenlivet, то ли Laphroaig³, помнилось смутно. Встрепанные темные волосы, породистый профиль, ярко-синие, «фишеровские» глаза – характерные для всех прямых потомков. И фирменное же фишеровское нахальство.

Да, господа «комиссия», он готов к экзамену. Нет, никакого недомогания. Нет, не стоит переназначать. Да, действительно, на самом деле готов – он что, настолько невнятно изъясняется? Возможно-возможно, это бывает с недосыпа. Конечно же, практиковался всю ночь, неужели не заметно?

Кому-то другому подобное поведение с рук не спустили бы. Потомственному Фишеру прощалось буквально все. Втайне Саймон планировал разозлить кого-нибудь из комиссии, вывести из себя, чтобы ему указали на дверь – а еще лучше на шлюз. Просто чтобы отец не выглядел таким самодовольным, ожидая его в коридоре. И чтобы Лян не расстраивался. И чтобы ребята не шептались за спиной. Но в итоге он «взял полтинник», не особо напрягаясь, а потом, на волне внезапного приступа гордости, выдал пассаж про тихоходов... И больше они с Ляном не разговаривали.

Саймон отогнал воспоминания. Почему-то они накатывали каждый раз именно тогда, когда по корабельной связи объявляли «на мостик». В принципе, никакой необходимости в этом не имелось – судовой ИИ рассылал уведомления на личные смарты и вообще был большим умницей. Но пустотники уважали традиции. Даже такие странные, как брюки, пиджак и галстук.

Впрочем, сейчас эти элементы туалета остались аккуратно сложенными и убранными в багаж. Во время работы предписывалось носить удобный, хоть и слегка безликий комбинезон. Безликость была относительной – любой желающий мог уяснить, что перед ним не механик и не бортпроводник, обратив внимание на шеврон. Особо «одаренные», в жизни не видевшие лоцманской «звездной тропы» – профессионального знака Профсоюза, – отправлялись по известному адресу, в смысле в сетевые энциклопедии.

На подходе к мостику дежурно торчал космопех. Саймон невольно ухмыльнулся: словечко звучало так же по-дурацки, как и «лоцман», но так же неизбежно прижилось. Правда, выходило непонятно, от кого эти бравые парни, закованные в легкие пехотные оборонительные комплексы, должны были, собственно, оборонять. Легендарных Чужих в обитаемом космосе не нашлось и не предвиделось; беспорядки, возникавшие на тех или иных колониях, не выплескивались за пределы гравитационных колодцев, а пираты... Если на корабле наличествовал лоцман – ему не страшны были никакие пираты. По крайней мере, так показывал весь имеющийся у человечества опыт.

² * Tod's S.p.A. (также Tod's Group) – итальянский бренд одежды, обуви и других изделий из кожи класса люкс.

³ Glenlivet, Laphroaig – марки шотландского односолодового виски.

Когда Саймон, делая страшно деловой вид, прошагал к трапдору, космопех отдал честь резким, механическим движением. Впрочем, он и выглядел в своей броне словно андроид. «Хорошо, что не додумались тяжелых “Голиафов” на пассажирские суда ставить, – подумалось ехидно. – Такой бы точно весь коридор занял».

Гермодверь мягко щелкнула за спиной, и наконец мостик оказался достигнут. Капитан, крепкий опытный флотский в возрасте около сорока, щеголявший густыми пшеничными усами, уже полусидел в своем ложементе, обозревая с нейромаски отчет по работе систем корабля. Физиономия у него была кислая.

– Машинное! Чиф, ну что там у тебя?

Саймон подключился к капитанскому каналу – маленькие привилегии лоцмана. Впрочем, виду не подал: не имело никакого смысла ссориться с «хозяином» судна. Пока что. Слушая объяснения старшего механика, он прошел к своему *загону*.

– Полпроцента мощности как корова языком слизнула, кэп. Ума не приложу...

– Нам эти полпроцента погоду делают? Вообще, когда ты последний раз видел живую корову?

– Обижаете, кэп, в прошлые выходные внуков в зоопарк водил. Ну, ежели вы скажете, так я и дам добро. Однако по прибытии надо бы задоковать: полпроцента туда, полпроцента сюда...

– Добро даю, заявку скинешь мне на подпись. Гони зеленый, у меня сейчас лоцман звереть начнет, а бизнес-класс устроит бунт.

– Еще ж пятнадцать минут до готовности. Ну лады, лады, ставлю «годно».

Капитан пошевелил пальцами, приняв подтверждение от машинного отделения, а затем, сдвинув маску, обратился к Саймону:

– Лоцман, приветствую на мостике. Пост ваш.

Тот важно кивнул:

– Лоцман пост принял. Звереть не собираюсь. Обещаю.

Капитан на мгновение замялся, но сделал вид, что толстого намека не уловил. Вместо замечания об этичности подслушивания переговоров с командой он вернулся в сеть и продолжил опрос служб:

– Жизнеобеспечение?

– Подтверждаю.

– Медотсек?

– Готов.

– Оборона?

– В режиме.

– Стюарды?

– Секунду... Готовы.

– Стюарды, проблемы?

– Никаких, подтверждаю. Полностью готовы к обслуживанию пассажиров.

– Принято. Ну что же, – теперь капитан снова обращался к Саймону, подчеркнуто деловито и нейтральным тоном, – мы на стабильном курсе, вектор по касательной, скорости выравнены. Дело за вами.

Лоцман был единственным членом экипажа, который не пользовался ложементом. Строго говоря, он и не являлся одним из корабельных служащих: Профсоюз договаривался с владельцами линий, и назначения на конкретный рейс согласовывали вне обычных флотских расписаний. Да и ложементы оставались скорее такой же данью традиции, как и галстуки с пиджаками, и присутствие военных на борту. Но только лоцману требовалась полная свобода действий и движений, которую, как ни парадоксально с таким названием, ему обеспечивал *загон*.

Выглядело это как невысокий, в десяток сантиметров, круглый пьедестал. Саймон прошел на середину, подключился – и тут же воспарил над полом. Силовое поле мягко обхватило его и приняло в самые нежные во Вселенной объятия. И самые надежные: что бы ни произошло с кораблем, лоцман остался бы жив. Слишком уж он был ценен, слишком уж редок, слишком дорог. Для всего человечества.

– Приступаю через пять, – предупредил Саймон.

И капитан продублировал по общей связи:

– Господа пассажиры, через пять минут мы переместимся в систему нашего назначения.

Капитан и команда желают вам приятного *перехода*.

Фраза тоже являлась чистой формальностью. Просто корабль вместо «тут» оказывался «там», в одно мгновение, без каких-либо внешних эффектов; *переход* не ощущал никто. Никто – кроме лоцмана.

Потому что именно лоцман и был *переходом*.

Вы когда-нибудь пробовали поднять космический корабль? Да, вот так, при полном g^4 , а то и более, – поднять на собственных руках, взвалить на себя и не отпускать ту долгую, бесконечную секунду, пока мир вокруг сворачивается в игольное ушко, в субатомную горошину, а потом разворачивается обратно целиком. И при том вроде бы понимаешь, что все ощущения строго субъективны, что происходит это сугубо в твоей голове, что на деле ты просто висишь в коконе силового поля и работаешь исключительно «силой духа», «верхней чакрой», «движениями анимы» – в общем, какие там еще были у яйцеголовых версии по «феномену лоцманов»? Но все же впечатления были непередаваемыми.

Поэтому, когда пять минут истекли и прозвучал предупреждающий сигнал, Саймон затейливо выматерился, поплевал на ладони...

И поволок.

⁴ Ускорение свободного падения на поверхности Земли. Среднее значение – $9,8 \text{ м/с}^2$.

Часть 1

Камень

Глава 1

Сам по себе транспорт серии «Нарвал» не являлся космическим аналогом древних океанских кораблей. В том смысле, что у него не было объемистых трюмов или многочисленных пассажирских кают. Нет, у экипажа имелись свои жилые площади – порой приходилось в прямом смысле дневать и ночевать на работе. Проще выходило перекантоваться в казенном уюте каюты или кубрика, чем гонять в гравитационный колодец или до терминала штатный челнок.

Больше всего корабль напоминал рыбий скелет. Вот крупная, вытянутая «голова» кабины, вот «хребет» с консолями-«ребрами» и закрепленным сверху «плавником» энергетической установки, вот «хвост» с развернутым оперением сенсорных мачт. Поднимающиеся с планеты лихтеры с грузом и пассажирами облепляли остов, фиксируясь на консолях и словно создавая «плоть» этой межзвездной «рыбы». Которая в отличие от них никогда не смогла бы нырнуть в глубины атмосферы и дотянуться до «дна» – до поверхности планеты.

Саймону порой вспоминалась та пара месяцев, которую он провел на лодке дяди Анджея. Тот в свое время, после очередной размолвки с ныне уже покойным дедом, послал всю родню *на дальний вектор*, отказался от прав, привилегий и доли в Семье, получил полагающуюся по Укладу Семей компенсаторную пенсию и купил себе яхту. Морскую, как в старину. И уплыл на ней куда-то в сторону Фиджи. Ловить рыбу, загорать на палубе и перевозить всякую мелочовку между островами.

Дядя Анджей обладал широтой взглядов и не хотел детей. Естественно, это вызывало трения. Настоящий Фишер обязан хоть тушкой, хоть чучелком, но произвести на свет потомство, и желательно побольше. Талант лоцмана не манифестировал себя в брате будущего главы Семьи, но это не имело значения. Неуловимый ген, отвечавший за способность *чувствовать* пространство, улавливать колебания массы и в мгновение ока переноситься, делать *шаг* по звездной тропе из одной точки галактики в другую – он мог проявиться и через поколение, и даже через два. Кровь лоцманов оставалась драгоценностью. *Дар* оказался редок, научными методами принципиально невозпроизводим, и между человечеством и иными мирами всегда маячил призрак молчаливой, устрашающе одинокой пропасти. Поэтому Анджея осуждали.

У дяди Анджея имелось множество друзей. Ни разу никто из них не допустил в сторону Саймона каких-либо шуточек или намеков. Ни разу не упоминалось о том, что молодой человек мог бы пересмотреть свои взгляды на жизнь. Самому будущему курсанту стукнуло на тот момент лет пятнадцать, и вкусы его, как ему тогда казалось, уже вполне сформировались. Казалось, конечно, ошибочно, но общая тенденция просвечивала ясно: в будущем Саймон вполне мог стать новым «племенным жеребцом» Семьи. Когда подобные безрадостные мысли накачивали на подростка, дядя Анджей молча вручал ему гарпун – и они плыли куда-нибудь за риф, ловить массивных тунцов и проворных марлинов.

Именно на марлина походил космический корабль при взгляде со стороны. В момент *перехода* лоцман всегда как бы покидал свое тело и видел происходящее в комплексе. У каждого это происходило по-своему, но в одном сходились все: ты словно удерживал здоровенную, неудобную тушу из металла и керамокомпозитов на руках. А вокруг шуршал, пульсировал и переливался огнями древний космос. Жутко... и монументально, до судорог в душе прекрасно. Жалко только, что художников среди лоцманов практически не было. Не поощрялось.

Из субъективно бесконечного транса вырвало прорывающееся в голосе капитана раздражение. К слову, вполне понятное.

– Мы на границе экзосферы Нового Эдинбурга. Лоцман, вы нас в термопаузу воткнуть хотите?

Саймон открыл глаза. Не самое необходимое действие: смарт, замкнутый на корабельную сеть, уже начал транслировать картинку, снабженную векторами, коридорами, пиктограммами и пояснениями. Мда, увлекся малость.

Среди лоцманов считалось эдаким шиком «притереть» судно вплотную к атмосферному пределу для межзвездных кораблей. Те, естественно, никогда не шли на посадку, ревя двигателями и мужественно преодолевая встречные потоки бушующей на обшивке плазмы. Подобные выдумки стоило оставить на совести режиссеров *тридео*. Во-первых, гравитационные зеркала работали бесшумно. В том числе и на взлетно-посадочных модулях, которые по старинке называли «лихтерами». А во-вторых, конструкция межсистемного носителя не предусматривала маневров в атмосфере. Максимум – приблизиться к точке оптимальной дистанции высадки. И не впилиться при этом в соседей по орбите.

Впрочем, Саймону лоцманские понты были *до фотосферы*. Просто он, несмотря на всю свою показную небрежность, грешил некоторым перфекционизмом. И в данный момент морщился от совершенной ошибки.

– А вы куда смотрите? – огрызнулся он, не желая признавать промашку. – Ваш корабль, вы и командуйте.

Капитан снова сдвинул нейромаску и уставился на хама. «Вот же, – подумалось Саймону, – здоровый, крепкий сорокалетний мужик, наверняка уже не меньше полсотни тысяч налета. А приходится терпеть эдакого молокососа с гонором. Меня, то есть». Он дернул уголок рта и попытался сформулировать извинения так, чтобы не звучало обидно ни для кого из присутствующих, но тут на мостике моргнул свет.

А вслед за этим пришло непонятное. Пугающее. Чуждое.

Сколько Саймон себя помнил, он всегда *ощущал* мир вокруг. Не только зрение, слух, обоняние и осязание – постоянно было что-то еще. «Нюх на массу», – как шутили курсанты. «Барионное видение», – как предполагали некоторые ученые. Это «что-то» и отличало «ходовков до звезд» от простых «пешеходов» – как иронизировали в лоцманской среде. Юмор, естественно, был злой.

Саймон никогда не терялся в невесомости. Он всегда мог сказать, с какой стороны находится гравитационный колодец. Он мог почувствовать приближение корабля на встречном курсе. На поверхности планеты эти чувства оказывались спутаны, приглушены – масса геоида, строения, люди, машины. Впрочем, определить, что за углом кто-то стоит и ждет, труда никогда не составляло. Это отменяло любые сюрпризы – как приятные, так и не очень.

И вот теперь все это пропало.

Лоцман висел в силовом поле, в пределах *загона*, и от удивления не мог произнести ни слова. Зато слова нашлись у первого пилота, который вышел на капитанский канал из своего компартмента:

– Что за ерунда? У меня коррекция не отрабатывает.

Капитан нахмурился, вернулся в сеть и уточнил:

– Что значит не отрабатывает? Диагностика движков есть?

Отозвался второй пилот:

– Нет, и у меня тоже. Спросите у машинного, что они там намудрили.

– Принято. А ведь чиф словно чуял засаду... – пробурчал капитан, а затем обратился к Саймону: – Лоцман, перенесите нас на стабильную орбиту.

– Не могу, – сквозь зубы прошипел тот.

Молчание длилось пять секунд. Затем капитан ровным, усталым голосом произнес:

– Я не вполне понял. Повторите?

– Повторяю, – ядовито выплюнул Саймон. – В силу не зависящих от меня причин не могу осуществить перенос судна на безопасное от планеты расстояние. Кэп... – он поежился, обхватил себя руками и уставился куда-то за командирскую консоль, – ...я космоса *не чувствую*.

Собеседник еще пару секунд переваривал услышанное. Затем окончательно стянул нейромаску, деактивировал силовые амортизаторы, отстегнул ремни и встал из ложементов.

– Что. За. Хрень? – раздельно произнес он. – Как это «не чувствую»?

– Ну, вот так, – сощурился Саймон, подплыл к границе *загона*, опустил на палубу и сделал шаг в сторону. – Словно отрубили от пространства. Такого раньше не случалось.

– Прижковый синдром? – озабоченно уточнил капитан. Нет, все-таки нормальный он мужик. Не бросился обвинять, не начал паниковать. По лицу видно, что параллельно просчитывает варианты и прикидывает шансы. Саймону до его выдержки оказалось далеко. Он отключил *загон* и уселся на край постаментов, стараясь не выдать дрожь в коленках.

– Другое. Синдром появляется только после перенапряжения. И начинается не сразу. И лоцман все равно *чувствует* мир – просто он... устает. Как старик от жизни, – попытался он дать внятное объяснение.

Капитан кивнул:

– Ясно, но мне это не поможет, – не возвращаясь к маске, он махнул рукой над консолью. – Пилотажный, порадуете?

– Никак нет, – голос первого был глух и растерян. – С машинным-то что?

Капитан хлопнул себя по лбу и переключился.

– Чиф, у нас тут проблемка...

– Драть нас всех *через мезон* проблемка! – гаркнуло в ответ. – У меня все, все ходовые генераторы потухли! На аварийке тянем!

Саймон с интересом понаблюдал, как самый главный человек на корабле жуёт губами.

– Перезапуск?

– Пробовал, – отрезали с той стороны.

– На холодную?

– Пробовал.

– Ну... На горячую?

– Да пробовал я, *коротыш мне в дышло!* – кипело в канале. – Да, без приказа. Но сам понимаешь...

Капитан понимал. Понимал и лоцман: старший механик лично отвечал за любые неполадки в своем хозяйстве. Если что-то шло не так и можно было решить проблему, не привлекая внимания начальства, – восемь из десяти стармехов постарались бы проверить дело тихой сапой.

И тут корабль вздрогнул. Капитан молнией бросился к ложементу, схватил нейромаску, изучил диагностику.

– Отделился наш челнок. Телеметрия с борта заблокирована, удаленного контроля нет, – констатировал он. – Мне одному это не кажется совпадением?

Совпадением это не казалось никому. Тут же прорезался пост обороны:

– Кэп, мы санкционировали вылет?

– Ни в коем разе, – с оттенком злорадства отметил тот. – Можете аккуратно пробить ему зеркало? Чтобы не развалился до появления силовиков?

Оборона откашлялась.

– Со всем уважением, кэп, но пока генераторы по нулям – я могу только вытянуть палец и сказать «пиу-пиу»! Что там у нас происходит, к слову?

– Работаем, – лаконично отрезало начальство, снова отключилось и устало потерло лицо. – Нет, ну вот же гадство...

Впервые Саймон наблюдал, как человек в экстремальной ситуации изо всех сил старается держать марку. Сам он, если честно, был на грани отчаяния. Пространство продолжало молчать, и это угнетало даже больше падающего на планету корабля. Тишина. Одиночество. Бессилие. Больше всего на свете молодой лоцман ненавидел бессилие.

И когда уныние стало сменяться яростью – он словно что-то почувствовал. На самой грани, на полувздохе, на полувзгляде. Знакомое дуновение эфирного ветра, голос материи и отклик структуры Вселенной. Звон в ушах и щекотка в мизинцах. Пение гравитации... Он вскочил.

Да, что-то определенно есть! Продолжая распалать себя, Саймон потянулся, поднялся на цыпочки, рванулся...

И сделал шаг.

И оказался в собственной каюте. Далось ему это, прямо скажем, нелегко. Руки дрожали, ноги подламывались – словно он только что пытался перетащить с орбиты на орбиту целый планетоид. Пот заливал глаза, и шатало, как после удачного вечера. Но ведь получилось!

Решение пришло как-то само собой. Прислонившись к стене, чтобы не упасть, и выдернув из держателей аварийный комплект, он развернул легкий скафандр, проверил кислород и аккумуляторы, влез внутрь, пристегнул на пояс штатный шокер-парализатор... Со смарта раздался голос капитана.

– Лоцман, вы что там творите?

Саймон мотнул головой, пытаясь разогнать звездочки перед глазами.

– Некогда, кэп. Попробую постучать в шлюз к беглецам.

Секунда раздумий, потом по связи одобряюще уточнили:

– Получится? Посылаю к вам отделение космопехов, возьмете с собой.

– Не стоит, – отбился Саймон, собирая себя в фокус и проводя затверженные процедуры тестов. – Я все еще словно подушкой хлопнутый. Если промахнусь...

– Если промахнешься, – внезапно перешел на «ты» капитан, – погибнем все. Лихтеры ведь не отстегнуты... Я пока не объявлял чрезвычайного положения, но мы по-прежнему падаем.

– Когда я учился на втором курсе, – лоцман проверил шлем и замкнул забрало, – мы с одноклассниками угнали старый буксир, который значился нашим тренировочным судном. Пятеро идиотов хакнули управление и решили покататься по системе.

– Ну? – в голосе собеседника звучало недоумение.

Пришлось пояснять:

– А чтобы нас не спалили, от станции мы уходили на малой реактивной тяге. Обманули внутренний шлюз, и кислород из помещений подтолкнул нас, словно шампанское – пробку.

Снова молчание. Наконец, задумчивый тон дал понять, что сказанное услышано:

– Можно попробовать. Сейчас предупрежу стюардов, да и чиф тоже захочет послушать, расскажешь ему...

– Некогда, кэп, – пришлось прервать реплику. – Я уже иду.

– Хорошо, – ответил капитан. Голос его дрогнул. – Удачи. Удачи... сынок.

Саймон сосредоточился. Надо разозлиться, сказал он себе. Эти козлы решили уронить целый корабль – и подгадать лично ему. Они знали, что лоцман молод, что он выпендрожник и фанфарон. Они что-то сделали с миром вокруг него – и мир почти перестал откликаться на его зов.

Но именно что почти.

Саймон сосредоточился. Потянулся. И шагнул.

Глава 2

Сороковые годы двадцать первого века дались человечеству нелегко.

Серия сверхмощных вспышек на Солнце чуть не погубила цивилизацию. Коммуникации сыпались, словно карточный домик. Перегрузки на энергосетях вызывали массовые блэкауты. Атмосфера сошла с ума – за штормами и ливнями следовали засухи и штили, зимой в тропиках выпадал снег, а что творилось в переходный сезон, лучше и не вспоминать. Пророчества о конце света плодились, как крысы на продовольственном складе.

Но именно тогда несколько энергичных, предприимчивых политиков самых влиятельных государств – Китая, России, США, все еще объединенной Европы и начавшего поднимать голову Ближнего Востока – решили, что так дальше продолжаться не может. И выработали беспрецедентный по уровню международного сотрудничества план.

Во-первых, подразумевалось урегулирование многочисленных политических разногласий. Организация Объединенных Наций, бывшая до того момента, по сути, номинальным «клубом по интересам», наконец стала именно той структурой, которая смогла объединить страны и народы. Генсек ООН получил невиданные доселе полномочия – со всей сопутствующей ответственностью, конечно же. Даже самые радикальные «ястребы» осознали, насколько хрупок мир. И как легко его потерять – вовсе не из-за войн, а по прихоти своенравной матери-природы.

Во-вторых, были проведены расчеты по взаимному интегрированию экономик. Как с определенным удивлением обнаружили аналитики Второго комитета, синергия отказа от межгосударственной конкурентной борьбы давала такие приросты, что стоило задуматься, почему не могли – или не хотели? – проделать нечто подобное раньше. Впрочем, тут же в обиход вошла знаменитая русская пословица: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». С поправкой на политэкономическую специфику, естественно.

И в третьих – а по сути, это и ставилось основной целью, – началась разработка программы по освоению Солнечной системы. В перспективе же – по выходу за ее пределы и созданию колоний на пригодных для жизни мирах, возле иных звезд. Смыслом этого шага было перераспределение генетического пула человечества и остальной биосферы Земли – реализация древнего принципа «не складывай все яйца в одну корзинку». То есть космическая экспансия.

И все шло в меру гладко, пока в две тысячи пятьдесят первом году газовый танкер «Фархад» не застрял в поле тяготения Юпитера с поломкой основного плазменного эмиттера...

Историю своей Семьи приходилось учить наизусть. Никто никогда не знал, где на тебя мог выпрыгнуть неугомонный репортер с ритуальным вопросом: «Скажите, вы ощущаете ответственность перед своими великими предками?» В учебке Саймон поднабрался разноязыких ругательств – и венгерских, и японских, и, естественно, припал к неисчерпаемой кладовой могучего русского мата. Нередко подмывало применять, но это привело бы к долгому, занудному мозгоедству со стороны родни. А выслушивать морализаторские поучения было еще одной вещью, которую молодой лоцман терпеть не мог.

Впрочем, именно похождения Абрахама Фишера пришли на ум, когда Саймон буквально ввалился в крохотный грузовой отсек челнока. Вместе с навыками в области инвективной лексикологии – перестраховавшись, он *шагнул* подальше от основной массы, и оказалось, что промахнулся на пару метров выше уровня пола. Искусственная гравитация небольшого судна позаботилась о том, чтобы приземление вышло не сильно мягким.

Радовало только одно. Потирая ушибленный бок и шипя проклятия сквозь зубы, неопытный десантник отметил, что на челноке пространство *ощущается* уже гораздо привычнее. Впрочем, оно и понятно: кораблик успел довольно резко отмахать не меньше тысячи километ-

ров, когда не иначе как чудом его сумел догнать Саймон. Прислушавшись к себе и к миру вокруг, лоцман переполз за ближайший контейнер с припасами и взял оружие в подрагивающие после тяжелого *перехода* руки. Система наведения подключилась к смарту и выдала пару предполагаемых целей: она тоже почувствовала людей.

Саймон прикрыл глаза, игнорируя кружение звездочек под веками. Потом сверился с объемной картой и покивал сам себе. Выходило, что в ближайшем коридоре, возле энергоузла, стоит как минимум один человек. Еще двое в пассажирском отделении. И, судя по всему, должен иметься пилот – если, конечно, эти деятели не посадили за штурвал ИИ. Но стоит подозревать худший вариант.

Плохо было то, что дверь в коридор находилась прямо рядом с упомянутым узлом. То есть высунуться, прокрасться и тихонечко пальнуть не получалось. Что ж, оставалось действовать нахрапом.

Нельзя сказать, что Саймону не было страшно. Он запросил у корабля перечень персонала на борту, используя лоцманский доступ к системе – и та вдруг отказалась выдать конкретику. По всему выходило, что работают не простые хулиганы, а вполне серьезные люди. Так что поджилки вибрировали. Да и от *перехода*, совершенного «через не могу», он еще не вполне отошел. Но тут уже помогала злость – она, казалось, придавала и сил, и решимости. Впервые в жизни лоцман поразился своему дурному характеру.

Спотыкаясь, он добрался до трапдора и прислонился к косяку. Хорошо, что подрагивающие пальцы и комок в животе не повлияли бы на меткость: микроконтроль эжектора у модели «Скат-47» был на высоте. Сколько часов на семейном стрельбище проведено – и не сосчитать. Отец всегда настаивал на том, что Фишер должен уметь защитить себя, даже в одиночку. Вот и пригодилось.

Но как же тяжело сделать шаг! Всего один шаг, даже не лоцманский – а просто выйти за дверь, держа перед собой оружие, и нажать на спуск. Потому что человек, стоящий в коридоре, тоже почти наверняка вооружен. И у него может быть отнюдь не гражданский станнер. Всего один шаг до смерти. Ну хорошо, не до смерти, по крайней мере, не такой уж неминуемой – только лишь до шанса умереть. Погибнуть – и утащить за собой всех остальных. Всех пассажиров, весь экипаж, плюс, возможно, случайные жертвы на поверхности планеты. Пускай в обычной, мирной жизни обыватели вызывают в лучшем случае неприязнь. Но нельзя же махнуть на них рукой и сбежать?

Признаться, идея искушала. Саймон сжал губы в нитку и помотал головой. «Нет, – сказал он самому себе, и на место секундной слабости пришло знакомое раздражение. – Хрен им, а не побег. Почему? Да потому что. Из гордости. Из вредности. Потому что если ты Фишер – ты не бегаешь. Ты идешь и делаешь свой *шаг*. Вперед».

И с этой мыслью он вывалился в коридор.

Парень, ковырявшийся в некоем устройстве, больше всего напоминавшем мусорную урну, начиненную неудачными экспериментами кружка «Юный техник», успел обернуться. И даже потащить из креплений на поясе нечто подозрительное. И начать выкрикивать предупреждение. Но все-таки у Саймона была фора.

Тело свалилось на мягкое покрытие пола. Лоцман не шибко изящно скорчился за тумбой с проводами и взял пять секунд на отдышаться. «Так, – мысленно похвалил он себя, – *не все фотоны еще пропиты по кабакам*. Выберусь – загоню свою тушку в спортзал. И перестану филонить курсы выживания. И вообще».

Лицо оглушенного казалось знакомым. «Кто-то из персонала машинного отделения», – вспомнилось Саймону. Любопытно, что считать личную метку тоже не выходило – у «пиратов» в команде явно имелся толковый хакер. Возможно, именно его он сейчас и завалил.

Урна, мерцающая индикаторами, вызывала закономерный интерес. По всему выходило, что это именно на ее цифровой совести лежал саботаж генераторов и лоцманских способно-

стей. Однако следовало поторопиться – до входа в плотные слои атмосферы, даже если капитан последует совету Саймона и придаст кораблю ускорение «по старинке», оставалось всего ничего. Сверившись с пространственным *цутьем* и убедившись, что остальные диверсанты еще не в курсе потерь, Саймон направился в сторону пассажирского отсека.

Тут становилось сложнее. Судя по *ощущениям*, практически возле заднего – относительно пилотской кабины – входа сидел какой-то здоровяк. И он был на взводе: крутил головой и сжимал кулаки. К слову, за подобную детализацию на курсе четырехмерной сенсорики ставили «выше всяких похвал» и рекомендовали пообщаться с ректоратом о карьере в спецслужбах. Но Саймон плевал на игры особистов – особенно учитывая ранние этапы истории лощманов. Главное, что сейчас он практически видел своего противника.

Ближе к носу корабля, между обоими рядами кресел стоял еще кто-то. Невысокий, не очень внушительной комплекции. Стоял, похоже, спиной к Саймону. Это оказалось удачей.

Вдох, выдох. Зайти на счет «три», шаг вправо, навестись на амбала, выстрелить. Его прикрывает спинка кресла, поэтому главное – не дать нырнуть за нее окончательно. Потом шаг влево, поймать коротышку в прицел, еще выстрел. И можно заняться пилотом. Выдох, вдох. Ну, «поехали!», как говорил святой Гагарин.

Здоровяк действительно оказался нервным. И неплохо тренированным. Когда зашипели приводы дверей, он успел вскочить и даже выстрелить в проем. Увернулся лощман исключительно благодаря *дару* – и все той же «выживальщине». «Спортзал», – напомнил он себе, ныряя в сторону. «Тренировки», – ехидно прошелестело где-то в затылке, вслед за влипавшимся в переборку зарядом. «Лучший инструктор с рекомендациями», – родилось и утвердилось в глубине души титанованадиевое намерение.

Автоматика не подвела, руки – аналогично. Амбал изогнулся и осел на то же сиденье, с которого его сорвала тревога. Саймон потратил мгновение, чтобы удостовериться, проверил индикатор заряда и переключился на коротышку...

Которого не было.

Еще мгновение оказалось бездарно профукано на совершенно неуместное удивление. А потом небольшая, но крепкая ладонь рубанула лощмана по кисти – и все завертелось.

Тут никакой заслуги в том, что остался жив и цел, он себе приписать не мог. Действовать пришлось исключительно рефлексивно – и, если объективно, получилось так себе. Когда Саймон после резкого броска все же сгруппировался и откатился по проходу, то понял, что около десятка секунд отчаянно сражался с невысокой, но крайне энергичной и серьезно настроенной девушкой. Та сощурилась, тряхнула короткими, густого медного цвета кудряшками и снова прыгнула на противника.

И снова ему повезло. Оружие здоровяка, более массивная и массовая модель того же «Ската», подвернулось под руку, когда шея лощмана уже была зажата в классический «треугольник» между бедрами агрессивной барышни. Саймон ухватил эжектор, почти не глядя размахнулся – и крепкая, удобная рукоятка опустилась противнице на висок. Девушка закатила глаза, обмякла, разжала хват. Пришлось потратить еще около полуминуты на то, чтобы мир перестал раскачиваться и танцевать от гипоксии. Потирая отбитое запястье, морщась и кривась при каждом шаге, сплевывая кровь из разбитой об «забрало» губы, лощман встал с четверенек, подобрал оба ствола и направился в сторону кабины пилота.

Тот, судя по всему, за обстановкой на борту не следил. Поэтому, когда Саймон вломился внутрь, почти не отреагировал. Пришлось ткнуть его эжектором в затылок.

– Nani?⁵ – Пилот обернулся, глаза его расширились, а потом он сник целиком и проворчал: – O, de puta madre⁶, ну ты и Schwuchtel⁷.

⁵ * * * * * Что? (*яп.*)

⁶ * * * * * К чертовой матери (*исп.*).

– Да, я такой, – прохрипел Саймон, живо представляя, как феерично сейчас выглядит. Потом откашлялся и продолжил уже более уверенно: – А ты, sabron⁸, заворачивай барбухайку, не то я тебе fosz⁹ на dure¹⁰ натяну – через плечо.

– Oui¹¹, – мрачно бросил пилот и поколдовал над консолью. Когда он закончил, и лоцман почувствовал смену курса, пришлось снова ткнуть оружием.

– Как отключается та херня в коридоре?

– А смысл? – удивленно приподнял брови собеседник. За что получил эжектор в зубы, проникся и запыхтел: – Неф, беф футок, оно фамо! Мы фе не палафи!

Саймон убедился, что челнок лежит на курсе к транспорту, оглушил пилота и побежал к загадочной тумбе. Буквально стоило ему приблизиться, как несколько огоньков моргнули и сменили цвета, в основном с зеленого на желтый. Пара погасла совсем. Смарт запоздало подтвердил полный доступ ко всем системам корабля, подключилась и диагностика, и связь. По основному каналу пробился капитан:

– Черт побери, парень, я не знаю, что ты сделал, но у нас все заработало! Мы выравниваемся!

– Ага, – промычал «парень». Накатывала слабость, мутило, тело казалось как не своим. – Сделал вроде. Вы это, берите управление на себя. Я пойду посижу...

И он сполз по стенке на пол.

⁷ * * * * Гомосексуалист (нем.).

⁸ * * * Козел (исп.).

⁹ * * Мужской половой орган (венг.).

¹⁰ * На задницу (пол.).

¹¹ Да (фр.).

Глава 3

В области акушерства и неонатологии Семьи лоцманов придерживались на редкость ортодоксальных взглядов. Это не было связано с традициями или замкнутостью клановой среды, хотя отчасти уже могло быть отнесено к оным. Так уж получалось, что ребенок, выращенный в репликстате, с куда меньшей – на порядки! – вероятностью проявлял нужные Семьям таланты, чем выношенный и рожденный естественным путем. Еще одна из многочисленных загадок лоцманов, которые они сами порой не могли решить.

Именно в силу того, что был произведен на свет традиционным образом, Саймон имел полное право сказать: «Мама, роди меня обратно!»

Корабельный медик, которому капитан скинул телеметрию со смарта Саймона, впал в состояние тихой паники и не придумал ничего умнее, чем запихнуть пациента в регенератор. Удачным оказалось то, что эта модель предусматривала возможность транспортировки в стационар – прямо внутри капсулы. Так что в себя лоцман пришел уже на поверхности, сидя на койке в палате центральной столичной клиники.

По идее, телесный дискомфорт подлежал решительному экзорцизму. Все синяки, ссадины и даже рассеченную губу затянуло буквально на глазах – да и оказалось-то их всего ничего. Но на память осталась фантомная боль. Организм не верил, что мог поправиться так быстро, и проявлял бдительность.

А тем временем в помещении происходила приторно вежливая, исполненная заверений в бескорыстной любви и взаимной лояльности, но от того не менее яростная перебранка. Именно она вызывала у Саймона желание дезинтегрироваться куда подальше. И невозможность повернуть свой любимый фокус погружала в тихую, холодную ярость.

Ругались трое, стоявшие неподалеку. Рослый, массивный в плечах, едва заметно полнеющий брюнет с тускловатыми глазами, изначально имевшими цвет royal blue¹². Низенький, пингвинообразный тип с абсолютно незапоминающимся лицом, с сонными, тяжелыми веками на оном, в абсолютно не сидящем сером, словно бы пыльном костюме. И еще один темноволосый – смуглый, крепкий, с фигурой атлета, пышущий сдержанной энергией; на нем результаты работы дорогого портного смотрелись более чем к месту. Соломон Фишер, Кирилл Мягков и Анжело Оосава – самые влиятельные люди на ближайшую сотню парсек. А то и не на одну.

Фишер-старший являлся главой Семьи Фишер. Самой старой, самой большой, самой уважаемой. «Быть Фишером» означало «быть богатым, влиятельным и *одаренным*». Породниться с Фишерами мечтал каждый. В силу этого их голос в Профсоюзе всегда оказывался если и не решающим, то очень, очень значимым. «С Фишерами не спорят» – так было заведено. А последнее время традиция усугублялась еще и поддержкой Мягкова.

Кирилл не родился в одной из Семей. Вернее сказать, он был лоцманом, но, что называется, «самородком». *Дар* проснулся в ничем не примечательном пареньке с одной из дальних колоний – такое случалось, и не так чтобы редко. Правда, проснулся, честно говоря, так себе, серединка на половинку. Зато организаторские навыки во время учебы юный курсант проявил просто фантастические, умудряясь при этом оставаться по большей части в тени. «Хитрый план Мягкова» – это выражение прижилось, означая нечто многоходовое, неочевидное, но сулящее в итоге масштабный профит. Потому-то отец нынешнего главы Семьи Фишер быстро выделил неприметного, но толкового юношу. И способствовал его карьере в администрации Профсоюза.

Оосава же прибыл из ООН. После реформирования многие из подразделений взяли на себя не вполне свойственные им функции. Так, например, Четвертый комитет на бумаге зани-

¹² Королевский синий – один из оттенков лазури.

мался вопросами колоний, правами человека и миротворческой деятельностью. А по факту стал чем-то вроде космической службы безопасности, незаметно инкорпорировав в свои структуры Интерпол, ФСБ, АНБ, Гонг-Ан-Бу и прочие организации. И заместителем главы Четвертого комитета, главным межсистемным секуристом оказался как раз таки Анжело Оосава.

– Я не вполне, видимо, понимаю вас, уважаемый Кирилл? – голос ооновца можно было намазывать на хлеб и употреблять с чаем. – Вы предлагаете нам пытки?

Стоявшего в углу телохранителя можно было участником дискуссии не считать. Его спокойный взгляд постоянно сканировал помещение – а еще обращался к показаниям датчиков, встроженных в спецверсию смарта. На слово «пытки» он не отреагировал никак.

Взгляд Мягкова тоже «читать» не получалось. Он пожал плечами и негромко изрек, будто бы и не обращаясь к собеседнику:

– История всегда была одной из моих любимых дисциплин в Академии. Если память не подводит, в свое время спецслужбы это не смутило – в отношении лоцманов.

Замглавы Четвертого комитета начал закипать, но тут вмешался Фишер-старший, до этого стоявший возле койки сына и взиравший на спорщиков сверху.

– Ну, будет тебе, Кирилл, будет. Вы уж не обижайтесь на него, Анжело, но и авторитетом давить не советую. Это только с виду наш Мягков такой мягкий, а на самом деле – ух, кремень! Как мой Саймон. – И он одобрительно потрепал молодого лоцмана по плечу.

Саймона снова одолело желание сделать шаг – и оказаться где-нибудь на другом конце галактики, к примеру. Или хотя бы в одной из местных забегаловок. Кухня Нового Эдинбурга не славилась кулинарными изысками, но туристам здесь имелось где перекусить, а после регенератора аппетит лютовал всегда. Увы, если бы он провернул подобный демарш – не миновать занудной беседы на тему «ну мы же Фишеры, сынок, мы так не поступаем». В вопросах имиджа Семьи обычно добродушный отец становился упертым, словно бульдозер.

А еще вспомнились подростковые выходки, любимой из которых было сбежать с какого-нибудь официального мероприятия или пафосного приема. Просто взять и раствориться в воздухе на глазах изумленного собеседника. Оказаться на яхте дяди Анджея, слушая его добродушное ворчание и вполне дельные советы. Вдохнуть горький, солоноватый морской воздух и услышать режущие, полные тоски крики чаек: «Текели-ли! Текели-ли!» Сбросить пиджак, брюки, рубашку – всю эту светскую броню, лишний вес цивилизации. Сигануть за борт, смывая с себя липкое, вяжущее раздражение.

Правда, потом все равно приходилось возвращаться. В пятнадцать лет от Семьи особо не убежишь. Впрочем, оно же справедливо и для двадцати двух. Особенно если ты Фишер.

Поэтому Саймон всего лишь скроил кислую улыбку. Этого оказалось достаточно.

– А вообще, конечно, надо бы с этими засранцами что-то делать, – озабоченно продолжал Соломон, вернувшись к собеседникам.

Те сделали вид, что это замечание крайне важно и исполнено смысла. Анжело даже покивал:

– Надо. Но у меня связаны руки. Вокруг постоянно вьются репортеры, активисты из правозащиты, служба внутренних расследований... Мы уже больше века не просто комитет ООН, мы, *shimaimashita*¹³, галактическая служба по вытиранию соплей! Только называемся иначе. И вынуждены играть строго по правилам.

Мягков снова негромко, но выразительно хмыкнул. У Оосавы сжались кулаки и скрипнули зубы. Фишер-старший нахмурился и неуверенно предположил:

– Но ведь есть улики...

¹³ *** Черт побери (*яп.*).

– Косвенные, уважаемый Соломон, косвенные, – в голосе Анжело слышалась неподдельная досада. – Да, они угнали челнок. Но знаете, что поют эти хитрые *Arschlochen*¹⁴ нашим следователям? Они испугались! Вы понимаете? *Psia krew*¹⁵! Двое стюардов, один младший механик и один палубный матрос. Испугались. Вот собираюсь выдать санкцию на глубокое полиграфическое исследование, но она требует согласований с ВОЗ.

– Записи. У вас есть записи с моего смартфона, – Саймон потрогал губу и решил, что уже не болит. – Один возился с устройством. Другой сказал...

– Механик утверждает, что пытался разобраться. Ему, мол, эта штука сразу не понравилась. Обвиняет вас, – Оосава еле сдержался, чтобы не ткнуть пальцем, – в том, что вы на него напали и помешали. *No te joda*¹⁶, так и сказал. А пилот – один из стюардов, к слову, – уверяет, что имел в виду, будто бы они ни в чем не виновны. «Мы же не палачи». А устройство не имеет к ним отношения: «оно само» появилось на челноке. Кстати, это только передатчик. Пульт управления, если можно так выразиться. Дистанционка.

– Они напали...

– Самооборона, – снова перебил Анжело. – Приняли вас за террориста. Вы же были в шлеме.

Это звучало серьезно. Саймон потер шею и шепотом выругался. В шлеме, ага. Жаль, эта модель не крепится прямо к плечам, как на древних скафандрах. Рыжая его чуть не придушила...

Ооновец сочувственно покосился, затем продолжил:

– А система наблюдения в ряде отсеков вообще отрубилась на все время теракта. Причем мы не можем обнаружить следов взлома – ну, кроме самого факта взлома. Там стерто напрочь все. Похоже, одноразовый вирус-камикадзе. Техники сейчас перебирают судно по кусочку – ищут глушилку, которой вас... – он замялся, – *подавили*.

– Мне это не нравится, – заметил Мягков. – Больше всего мне не нравится история с «отключением» Саймона от пространства. Как ты справился? – обратился он к молодому коллеге. Тот ссутулился и пожал плечами.

– Как-то. Разозлился. Взял себя «на слабо» и *шагнул* наугад. Если говорить объективно, то зря, наверное, – корабль ведь вытащил не я.

– Да ну будет тебе, сын! – гордость Фишера-старшего ощущалась физически. – Так или иначе, но ты сделал все, что мог. Вон, террористов нам наловил!

– Это еще требуется доказать, – устало потер лицо Оосава, – что они террористы. Нет, я-то практически не сомневаюсь. Но интуицию к делу не подошьешь.

Скорее всего, у Мягкова снова нашелся бы какой-нибудь пренебрежительный звук, но тут ооновец поднял руку.

– *Pardonnez-moi*¹⁷, звонят. – Он отошел в сторону. – Да. Да. С кем? Хорошо, пообещайте в обмен на сотрудничество. А я попробую... Да.

Обернувшегося замглавы Четвертого комитета встретило три пары заинтересованных глаз. Впрочем, он и сам выглядел заинтригованно.

– Саймон, как вы себя чувствуете?

Вопрос оказался внезапным. Юный лоцман демонстративно потыкал себя пальцем в разных местах и бросил в ответ:

– Сойдет. Я вам нужен?

¹⁴ ** Придурки (*нем.*), буквально «дырки в заднице».

¹⁵ * Песья кровь (*пол.*).

¹⁶ Я не прикалываюсь (*исп.*).

¹⁷ Прошу прощения (*фр.*).

– Нужны, – не стал упираться Оосава. – Один, точнее, одна из подозреваемых хочет поговорить. С вами.

– Слушайте, – встрял в разговор обеспокоенный отец, – а у вас там решетки прочные? Сын, ты не торопись, подумай. Мало ли, вдруг в этой дамочке взрывчатку не отыскали. А что, я в кино видел! Не обижайтесь, Анжело, но глава должен заботиться о Семье.

– Я понимаю, – возвел очи горе ооновец. – Но, честное слово, мы задействовали все доступные ресурсы. Все, что не запрещено законом и не осуждается правозащитой. Саймон будет в полной безопасности.

– Безопасность – отличное слово в нашей ситуации, – скепсиса в голосе Мягкова плескалось хоть отбавляй.

Но прежде чем Анжело успел парировать, Саймон ответил:

– Я согласен.

Он сам не очень понимал, зачем это делает. Больше всего на свете ему сейчас хотелось *шагнуть* куда-нибудь на другую сторону планеты. Или вообще домой, на Землю. Благо никакие таинственные глушилки больше на него не действовали и обошлось бы парой *переходов*. Тройкой, уточнил он сам для себя, прикинув карту систем. Завалиться в бар осесть у стойки, врубить классику со смарта – старые, плоские еще мультфильмы. И, подпевая героям – «Соблюдает дня режим Джим!», – накидаться какой-нибудь гадостью до бровей. Дорогой, выдержанной, с привкусом дубовой бочки и ледяной воды из ручья гадостью.

Но в итоге Саймон встал. Покачал головой, разминая шею. Снова поморщился. И проворчал:

– Давайте пообщаемся. Где там ваши застенки?

Глава 4

Новый Эдинбург заселялся людьми неспешными, основательными, прижимистыми – и скупыми на незаслуженное сочувствие. Поэтому для пенитенциарных нужд оказались приспособлены пещеры горного массива, в паре сотен километров от столицы, города Джейкобстаун. Сторонники гуманного обращения с заключенными, конечно, негодовали. Они считали, что таким образом нарушаются права «социально нестабильных категорий граждан» на солнечный свет и вид из окна. В ответ новоэдинбуржцы, пожимая плечами, парировали: «Зато не сбегут».

Правда, в итоге местной системе исполнения наказаний пришлось пойти на уступки. Каждая колония имела свои кодексы, как уголовный, так и административный. Как правило, они списывались с кодексов государства-основателя, либо же, если получалось поселение смешанного состава, вырабатывались по результатам обсуждений, голосований и подковерных сделок. Но существовал еще и Устав ООН, заметно расширенный в процессе космической экспансии. И он считался приоритетнее.

Так что со временем терраса перед входом в пещеры обросла небольшим двориком для прогулок. «Ничего, – утешали себя законопослушные граждане, – с обрыва не сиганут». С этим было сложно поспорить.

Добраться до тюрьмы получалось только по воздуху. Нет, конечно, если какой-нибудь энтузиаст обладал временем, навыками, набором снаряжения и совершенно не интересовал ИИ охранной службы – он мог забраться наверх по скалам. Но почему-то подобных не находилось.

За время полета Саймон успел перекусить, переодеться, а перед этим даже принять душ – Оосава заявился в систему на личном катере, который оснастили всеми возможными удобствами. Багаж молодого лоцмана также доставили с поставленного на досмотровую орбиту «Нарвала», и сейчас Саймон обдумывал, как бы так обнаглеть и выудить из чемодана бутылочку Dalmore¹⁸. Ситуацию спас сам ооновец.

Жестом радушного хозяина он предложил свой путевой бар на разграбление. Стоило отметить, что выбор у замглавы Четвертого комитета имелся как минимум приличный. Отказался только Мягков – но тот вообще не употреблял.

– Скажите, Саймон, а почему вы все-таки согласились? – поинтересовался Анжело, устраиваясь в кресле. Настоящая, без дураков, кожа. ООН, конечно, не бедствовала, но вряд ли подобные излишества закладывались в бюджет. Значит, замглавы Четвертого комитета тот еще гедонист. – Не то чтобы я против, но...

Намек улавливался с лету. Видимо, психологический профиль неуживчивого юнца был передан Оосаве перед встречей и добровольное согласие на сотрудничество в него не вполне укладывалось. Саймон, посмаковав недурной сингл молт, вытянул ноги и ответил вопросом на вопрос:

– Вас когда-нибудь пытались убить?

В соседнем кресле поперхнулся отец, и Мягкову пришлось аккуратно постучать ему по спине. А вот Оосава неожиданно улыбнулся, знаком успокаивая напрягшегося телохранителя:

– Понимаю. Хотите взглянуть в глаза своей несостоявшейся смерти? Но, если честно, вряд ли девушка хотела именно такого развития событий. Мы пока не смогли установить подлинных личности террористов... Да, Кирилл, да, – раздраженно пробурчал он в ответ на поднятую Мягковым бровь, – у этих *putos*¹⁹ хакнутые одноразовые смарты. Никаких указаний на владельца. Мы сделали геноскан, но в местной базе совпадений нет, а пока еще придут обще-

¹⁸ D a l m o r e – марка односолодового шотландского виски, производимого на одноименной винокурне, расположенной в городке Алнесс в 32 км к северу от г. Инвернесс в Шотландии.

¹⁹ Негодяи (*исп.*).

сетевые результаты... Так вот, предварительные оценки психологов указывают на то, что наши космические хулиганы действительно не убийцы. «Мы не палачи», – снова процитировал он. Фишер-младший поморщился.

– Не спорю. Хотя, если честно, я пожалел, что воротник у «аварийника» недостаточно жесткий. Но соль не в экстриме. – Лоцман замялся, пытаясь передать всю гамму смущающих его ощущений. Это было непросто: он и сам пока не до конца разобрался в своей мотивации. – Конечно, в первую очередь мне просто интересно. Но дело не только в этом. Я выиграл... Победил... В общем, остался на своих двоих. Четверых, – он ухмыльнулся и тут же посерьезнел. – Но при этом ударил женщину. У нас так не принято. И я бы хотел извиниться.

Сказал – и сам удивился, как легко далось ему это «нас». Неужели он все-таки причисляет себя к той социальной группе, от которой всю сознательную жизнь пытался отмежеваться? Да, вот тебе и регулярная фронда, вот тебе и протест по мелочам. В главном-то, выходит, полное согласие.

Соломон лучился довольством. Он дотянулся с соседнего кресла и попытался приобнять сына за плечи.

– Вот так, Анжело, вам скажет любой настоящий лоцман. Мужчина! Да, характер у него не сахарный, но сердце – сердце золотое. Горжусь!

На самом деле в Семьях действительно практиковался достаточно патриархальный подход к роли женщины. Обусловлено это было тем фактом, что именно жены лоцманов являлись «производительницами» – обеспечивали приток новых членов Семей, как бы цинично это ни звучало. А поскольку попытки прибегнуть к помощи репликатов показали всю свою несостоятельность – над фертильными барышнями Семьи тряслись и берегли их пуще зеницы ока.

Впрочем, были и исключения – и не сказать, чтобы малочисленные. Одно из них Фишер-старший тут же и припомнил.

– Кстати, – обратился он к Саймону, – я выписал тебе отпуск. Небольшой родительский производ, – прозвучал короткий смешок. – Отдохни, помоги парням из ООН, – на слове «парни» Оосава слегка побагровел, – развейся. За тебя пока выйдет Феруза.

Не подавиться и не закашляться стоило больших усилий. Троюродная племянница, из родственной ветви Семьи Аль-Азиф, выросла особой свободолюбивой, самоуверенной, вздорной – и при этом зверски талантливой. Настолько, что даже сам патриарх Абу-Али махнул рукой на законы и выпендреж внучки, разрешив той перейти с «женской» половины на «мужскую».

Казалось бы, между ней и Саймоном должна была возникнуть некая общность интересов – как минимум в ершистом подходе к менторски настроенной родне. Но в данном конкретном случае оба сильных и независимых характера при сближении начинали отчаянно искрить – и любое упоминание племянницы при дядюшке вызывало у последнего стойкую идиосинкразию.

Тем временем катер прибыл на посадочную площадку тюрьмы. Встречать их вышел сам главный надзиратель – впрочем, оно и понятно. Не каждый день в колониальное пенитенциарное заведение заявлялся целый Анжело Оосава. А уж если в сопровождении каких-то явно важных спутников...

– Доброго вам дня. Приветствую, проходите, – в голосе пожилого крупного мужчины, одетого строго и державшегося с достоинством, не звучало ни капли подобострастия. Просто поздоровался, просто проявил уважение к высоким гостям. Саймон мысленно накинул ему пару баллов. – Ваши следователи возились все утро, сейчас ушли на обед в административный корпус. Пусть отдохнут, умаялись ребята. Давно не видел таких упрямец, с какими им пришлось работать.

– А девушка? – уточнил ооновец. – Она все еще настроена говорить?

– Да, но только с лоцманом, – пожал плечами надзиратель. – Прочих вежливо, но твердо заворачивает. Я так понимаю, ее «настроение» – это кто-то из вас?

Он обратился к Фишерам и Мягкову, но ответил снова Анжело:

– Так точно. Целых три лощмана, пусть выбирает... Хотя речь, конечно же, идет об одном конкретном. Пойдемте, господа.

Коридоры были частью прорублены прямо в скальных породах, частью проложены в разветвляющихся пещерных ходах. Проектировали, впрочем, просторно, с размахом – видимо, учитывались нужды не только заключенных, но и сотрудников, которым пришлось бы трудиться под тоннами гранита и осадочных пород. Саймон прислушался к пространству и одобрительно покивал: здесь хватало и толстых стен, и обширных залов. Можно было бы резиденцию Семьи разместить, вот только без окон получалось как-то мрачно.

Телохранитель остался в катере – на территории комплекса охрану предоставляли служащие тюрьмы. Это имело смысл, ведь взаимодействие сотрудников разных ведомств и разного уровня подчинения могло в экстремальной ситуации стать как минимум затруднительным, а то и конфликтным. К тому же Оосава, скорее всего, хотел показать, что доверяет местным «органам». Дипломатия на нескольких уровнях.

Пока шли до камер, Соломон, видимо, вернулся к своему подозрительному настрою и решил уточнить:

– А вы их надежно заперли? Я почему спрашиваю, – сделал он понимающее выражение лица, чтобы не обидеть администратора пустыми подозрениями. – Все-таки, как глава Семьи, я несу ответственность. Мне надо знать.

Старший надзиратель даже как будто оживился. «Видимо, действительно ценит свою работу, – предположил Саймон, – раз любит о ней поболтать».

– Что вы, господин... Эээ...

– Фишер, – подсказал Мягков. Тюремщик благодарно кивнул, а затем до него дошло.

– Сам Фишер? Однако... Керн, Вальтер Керн, – представился он, придя в себя довольно быстро. – Так вот, я выделил подозреваемым отдельный блок для особо опасных преступников. У нас там нечасто бывают «постояльцы» – планета все же скорее тихая... Но тем не менее весь передовой опыт мы переняли на совесть. Радиальное расположение камер – при этом каждая обособленно. Силовые барьеры в сочетании с композитными материалами. Постоянный мониторинг со стороны ИИ – и вооруженная охрана... Да вы сами убедитесь! – И он приглашающе, солидно повел рукой.

Действительно, пройдя еще пару массивных, бронированных дверей, сделавших бы честь иному корабельному доку, посетители оказались в круглом зале. По периметру, отделенные друг от друга значительными промежутками, располагались достаточно комфортные, но в то же время по-спартански обустроенные клетки. Всего их насчитывалось восемь, но заняты оказались только четыре. Либо не сезон, предположил Саймон, либо прочих насельников переместили в другие блоки – от греха и пущей секретности ради.

Посередине зала возвышался массивный «Голиаф», увешанный оружием, как новогодняя елка игрушками. Впрочем, по большей части это оказались нелетальные средства – парализаторы, сетеметы, широкополосные шокеры, водяные пушки. Сенсорные башенки медленно вращались, а верхняя часть корпуса периодически покачивалась из стороны в сторону – видимо, оператор проводил визуальный осмотр. Вдоль камер прохаживалась еще пара охранников – в легких «доспехах» и с куда более скромным арсеналом. Керн развел руками.

– Вот, поставил лучших парней: Ланц, Райзе. Задействовали тяжелую технику – это у нас Макс Хагнер, он после десанта перевелся, знает толк. Готов ручаться, как за себя.

«Парни» тем временем пересеклись возле одного из занятых помещений и на пару секунд задержались. Подойдя ближе, Саймон понял причину: на полу камеры ритмично поднималась и опускалась знакомая рыжеволосая фигурка. Охранники негромко считали вслух.

– Сорок семь, сорок восемь, сорок девять... А молодец девчонка, за полтинник перевалило, – хмыкнул один из них. Второй покосился на посетителей, толкнул напарника локтем,

и они вернулись к обходу. Девушка тоже заметила гостей, перестала отжиматься и медленно встала.

«Да, неплохо я так приложил», – подумалось молодому лоцману с долей раскаяния. Регенерацию для задержанных проводили, видимо, по принципу «жив, и ладно», и потому с левой стороны на виске пленницы сквозь волосы наблюдался масштабный кровоподтек, переходящий в лиловый фингал сбоку и под глазом. Тем не менее выглядела барышня бодро – похоже, нервные ткани успели восстановиться.

– Привет! – прозвучало довольно низко, хрипловато, но чуть ли не радостно. – Молодец, что пришел. Есть разговор.

Саймон замялся, затем рассердился на самого себя и выдал:

– Ага, и тебе. Слушай, я должен извиниться...

– Да не, ерунда, все путем! – энтузиазм в голосе не утихал. – Честно подрались, честно одолел. Надо было мне помнить про ту хреновину. Между прочим, на рукопашке всегда предупреждали: не жди от противника *fair play*²⁰. Он в полном праве воспользоваться хоть песком в глаза, хоть пряжкой от ремня в челюсть. Так что ты молодец.

Одобрение вышло неожиданным, но приятным. Сбоку попытался было сунуться Оосава, но девушка подняла руки.

– Я же сказала: говорить буду только с ним. Отойдите.

– Вы забываетесь, – напомнил ооновец.

Рыжая посмотрела на него снизу вверх, но уверенно и с прищуром.

– Я все помню. Но если вы хотите этого разговора – не влезайте.

Замглавы Четвертого комитета обернулся на Фишера-старшего и Мягкова. Соломон благодушно улыбнулся и отошел в сторону, Кирилл вообще пожал плечами и отвернулся. Пришлось ретироваться и прочим: Анжело отвел Керна ко входу в зал и начал о чем-то расспрашивать. Охранники протопали мимо и пошли на очередной круг. Девушка наклонилась к слабо мерцающему силовому барьеру и поманила Саймона пальцем.

– Нужно кое-что тебе сказать, – перешла она на шепот. – Ясное дело, что потом весь разговор снимут по записи, но прямо сейчас – с глазу на глаз. Не люблю посторонних ушей. Идет?

– Идет, – согласился ее визави. Он тоже склонил голову и прислушался. Собеседница серьезно кивнула...

А затем в темных изумрудах глаз засверкали золотистые хулиганские искорки – и она задорно, надсаживаясь, заорала:

– Лоцман! Ты идиот!

²⁰ Честная игра (англ.).

Глава 5

Выходцы из Семей получали, что называется, классическое образование. На самом деле к своему историческому прототипу эта традиция имела достаточно отдаленное отношение. Все же без курса естественных и точных наук в наше время сложно считаться подготовленным к дальнейшей житейской и трудовой деятельности, а он в оригинал «классики» не входил. Но лощманам было приятнее считать, что они поддерживают некую абстрактную «связь времен».

С другой стороны, в массе своей население Объединенных Систем (как их после долгих споров начали именовать официальные пресс-службы ООН) было вынуждено довольствоваться ускоренными, сжатыми образовательными пакетами. Оно и понятно: работы на каждой заселенной планете имелся непочатый край, и кадровый голод стоял за спиной любой отрасли, от терраформирования до сельского хозяйства. Поэтому большинство подростков обучали в объеме «необходимо и достаточно».

Отдельные вундеркинды, проявившие лощманский *дар* вне Семей в достаточно раннем возрасте, тут же отлавливались соответствующими службами и направлялись в подготовительные спецклассы, иначе минимальный базис для усвоения академического образования им было просто не набрать. Именно после подобной ускоренной накачки знаниями в учебку перевели и Ляна – сразу на второй семестр первого курса. Тот еще долго потом вспоминал, как приходилось корпеть над учебниками и отлеживать бока в мнемодидактере. Зато никакой латыни.

Совсем еще юный Саймон Фишер же был вынужден ознакомиться с многочисленными шедеврами мировой литературы, собранными в образовательную программу личным преподавателем. Тот, видимо в силу развитой гордости за свои этнические корни, упирал на изучение русской словесности девятнадцатого века, а особенно превозносил пьесу «Ревизор» за авторством Николая Васильевича Гоголя. «Постмодернизм! – завывал полноватый мужчина в декоративных очочках и винтажном вязаном жилете. – Постмодернизм задолго до постмодернизма! Фарс и трагикомедия!» Молодой лощман успел возненавидеть маленькие уездные городки, фразу «в дороге совершенно издержался», а также фамилии Добчинского, Бобчинского и Ляпкина-Тяпкина.

Но все же было, было что-то цепляющее, что-то вневременное в строках этого древнего, чуть ли не средневекового писателя. Ничем иным не получалось объяснить тот факт, что первой мыслью Саймона, когда тот, слегка оглохнув на одно ухо, машинально обернулся назад, стало промелькнувшее в голове: «Немая сцена...»

Фишер-старший стоял, разведя руки и хлопая глазами, рот его приоткрылся, словно он хотел что-то сказать, но забыл, что именно. Мягкова слегка перекосило, будто ему предложили спиртного, которое он, как известно, терпеть не мог. Оосава, державший Керна под локоток, изумленно обернулся, а сам главный надзиратель всем своим видом изображал максимум неудовольствия, как если бы его оторвали от сытного завтрака после пары недель поста.

Оба охранника, надо отдать им должное, вскинули свои «Скаты» и прицелились в сторону источника звука. «Голиаф» тоже переступил ногами – сменил сектор наведения основного орудия, зафиксированного на корпусе. Виновница торжества довольно ухмылялась. Саймон цокнул языком, демонстративно поковырял мизинцем в ухе и попросил:

– Я немножко не расслышал, ты не могла бы повторить?

Изумруды снова заискрили, но девушка не стала дублировать свой демарш. Вместо этого она села на пол камеры, прямо перед решеткой, предварающей с ее стороны изолирующее поле. Только теперь лощман осознал, что синяк совершенно не портит ее... нет, не красоты даже, а хулиганского, энергичного обаяния. «Веснушки, – отметил он отстраненно, усаживаясь напротив и скрещивая ноги. – Нравятся мне эти веснушки. Плохо дело».

Замглавы Четвертого комитета сначала смутился, а потом вскипел:

– Да, porca Madonna²⁶, увезу! В конце концов, прибегну к авторитету вашего отца.

– Не-е-е, – протянул Соломон, подтягиваясь к плацдарму, – тут даже я вам не помогу. Саймон у нас личность самостоятельная, ежели чего надумал – без вариантов разубедить. Так что давайте сбавим обороты. Пусть еще поболтают.

Мягков, так и стоявший поодаль, одобрительно кивнул, а Керн закатил глаза. Молодой лощман заметил, что остальные заключенные откровенно веселятся, наблюдая за сценой. И здоровяк, и пилот, и техник – они, кажется, слышали все, до последнего слова. Это же понял и Оосава. Решив все-таки канализировать свой гнев, он напустился на главного надзирателя:

– У вас что, акустические барьеры не опущены? Место хотите потерять?

Тот выглядел озадаченным.

– Но позвольте, это ваши следователи настояли. Мол, пусть подозреваемые болтают, могут забыться, проговориться о чем-то важном...

Анжело зашипел, как закипающий чайник, и отошел в сторону. Видимо, собрался вызвать и пропесочить кого-то из подчиненных. Раздались аплодисменты.

– Bravo, маэстро, bravo, – рыжая смотрела на Саймона с каким-то новым интересом. – Послать на три кириллические буквы самого Оосаву. Впрочем, я думаю, quod licet Fisheri²⁷...

– Челнок, – оборвал ее собеседник, чувствуя, что тоже недалек от взрыва. – Что вы там делали?

– Так все сломалось же. – Снова взмах ресниц. – Я перепугалась, а потом побежала и вот встретила ребят на посадочной палубе...

– Перепугалась. – Лощман даже не стал маскировать скепсис. – И побежала. К слову, на работе службы стюардов поломка не отразилась никак – я был в рубке в тот момент и, признаюсь честно, подглядывал в капитанский канал. Но даже если не придирайтесь... Как такая перепуганная и бегущая от опасности женщина решилась напасть на незнакомца в скафандре и с оружием?

Девушка сощурилась. Казалось, она хочет то ли надерзить, то ли ответить честно и открыто, и принятие решения дается ей крайне нелегко. И тут у Саймона зачесалось между ушей.

Каждый лощман воспринимал мир по-своему. Кто-то закрывал глаза и продолжал видеть то, что его окружает, – плюс векторы тяготения, колебания силовых полей, импульсы гравитационных зеркал. Кто-то говорил, что масса звучит – чем больше по модулю, тем толще струна. «Отрицательная» масса, создаваемая корабельными агравигенераторами, звучала *наоборот*, вгоняя тех, кто пытался себе это представить, в ступор. Некоторые даже утверждали, что могут почувствовать Вселенную на вкус, и этому тоже никто не удивлялся.

А вот когда рядом кто-то *шагал* – родственники, однокашники из Академии, члены других Семей, – у Саймона Фишера, будущего наследника Семьи Фишер и продолжателя дела Фишеров, возникал какой-то странный зуд внутри головы. Аккурат между ушных раковин. Не сильный, но ощутимый.

Он вскочил и попытался прислушаться. Все прочие присутствующие уставились на него с недоумением... Кроме пленницы. Она тоже встала, оправила комбинезон и пощелкала пальцами, привлекая внимание собеседника.

– Ты спрашивал, как меня зовут? В дело можешь не заглядывать: там, конечно же, враки. Так надо, поверь. Но согласна, что было бы невежливо оставить твою просьбу без ответа.

²⁶ Черт побери (*ит.*).

²⁷ Что дозволено Фишеру (*лат.*).

Старший Фишер тоже что-то почувствовал. Он завертел головой, а потом вопросительно посмотрел на сына. Оосава, Керн и Мягков переводили взгляды с одной фигуры на другую, заключенные оживились, один из охранников что-то начал докладывать по смарту...

А затем в камере возник человек. Среднего роста, скорее худощавый, одетый в мешковатую рубаху и светлые, мятые джинсы «под старину». Копна волнистых темных волос сливалась с недлинной бородой, взгляд карих глаз был мягок и даже слегка уккоризнен. Он кивнул заключенной, та быстро махнула ему ладонью.

– Меня зовут Магда. Встретимся еще, Саймон Фишер, – произнесла рыжая. Она обняла гостя, тот вдохнул... И оба исчезли.

В остальных камерах происходило то же самое. Из ниоткуда появлялись какие-то непонятные люди – и снова пропадали, уже вместе с пленниками. Главный надзиратель, обомлев, застыл как изваяние. «Голиаф» крутился, пытаясь взять на прицел сразу четыре точки. Анжело Оосава, надрываясь, орал:

– Стазис! Врубайте стазис в камерах, придурки!

Но было уже поздно. Идеальный побег состоялся.

Глава 6

Возвращаясь к вопросам воспитания, нельзя не упомянуть широкие возможности лоцманов в этой сфере. Обеспечивались они, с одной стороны, *даром*, а с другой – наличными материальными благами. Причем одно проистекало из другого.

Будучи абсолютными монополистами в межсистемных перевозках, Семьи зарабатывали на этом бешеные деньги. Единственное, что и цена за подобное благосостояние выходила немалой, ведь прыжковый синдром не щадил никого. Плюс пристальное внимание спецслужб, поумеривших, правда, свои аппетиты после памятных событий конца двадцать первого века.

Так или иначе, а возможности, врученные им природой и собственным трудом, лоцманы реализовывали вовсю.

Саймону вспомнилась поездка в Приморский сафари-парк. Тот располагался недалеко от бывшей российско-китайской границы, и за прошедшие со дня основания два с половиной столетия сей природный комплекс разросся до полноценного заповедника. Несмотря на соседство с Владивостокско-Находкинской городской агломерацией, на эту землю не покушался ни один застройщик. Поделенный незаметными силовыми барьерами на территории копытных, хищников и птиц, с возможностью бродить среди редких, но постепенно восстанавливающих свою популяцию видов, парк действительно впечатлял.

Отец тогда с большим трудом уговорил разношерстную толпу двоюродных братьев, племянников, отпрысков младших ветвей и прочей молодой родни, собравшейся на экскурсию. Пришлось прибегнуть к помощи свободных женщин Семьи – без них вышло бы совсем тяжело. Мужчины все были в рейсах, а старшие дети – в Академии, поэтому компания малолеток оказалась грозной силой. Каждый порывался *шагнуть* – и хорошо, если просто в любимое кафе за мороженым. А если на спор до одного из промышленных лунных городов? А если в историческую или промышленную зону? Проблемы светили нешуточные.

Саймону быстро стало скучно. Он не любил природу и считал, что соприкосновение с ней следует сводить к минимуму. Но даже его проняло, когда пожилой смотритель провел их на территорию амурских тигров.

Животные выглядели прекрасно. Они словно выражали скрытую силу, грациозную мощь и великолепное презрение к окружающему миру – готовое при этом вспыхнуть ярким и внезапным гневом. Наглядно это проявил эпизод, когда кто-то из шибанутых сопляков решил пощекотать себе и окружающим нервы – и, *шагнув* за барьер, оказался в паре метров от крупного, флегматичного на вид самца. Тот в момент оцетинился, вскочил, прижал уши, зарычал... Хорошо, что у паренька хватило ума не окоченеть от страха и совершить *переход* обратно за границу поля. Смотритель чуть не поседел, а отцу, всемогущему Фишеру, пришлось долго извиняться – и даже выплатить штраф. Точнее, «добровольное пожертвование на нужды парка».

Именно реакция тигра на возникший перед носом раздражитель пришла на ум молодому лоцману, когда он узрел Анжело Оосаву в гневе.

Словарный запас ооновца внушал не меньше уважения, чем выбор напитков в его же баре. Вполне возможно, что он мог чему-то научить как впечатленного Саймона, так и безвременно покинувшую место своего заключения Магду. Именно в адрес последней и оказалось направлено большинство ругательств.

– ...сука! – выдохнул наконец замглавы Четвертого комитета. – Нет, ну как она нас всех... А я тоже молодец, стою, уши развесив, жду чистосердечных признаний, ну или хотя бы оговорок, обмолвок... А тут на тебе!

Остальные благоразумно молчали. Фишер-старший, забыв, судя по всему, что он глава могущественнейшей Семьи, взглядом искал, куда бы спрятаться. Мягков задумчиво опи-

рался на орудийную конечность застывшего «Голиафа», а выскочивший оператор, юркнув за машину, тихонько препирался с главным надзирателем. Охранники выбежали из зала – видимо, занимать места по тревожному расписанию. Саймон же продолжал воздвигаться памятником сосредоточенности недалеко от опустевшей камеры.

Впрочем, молчание никого не спасло. Пропесочив беглянку со товарищи, Оосава напустился на лоцманов:

– А скажите-ка мне, любезный Соломон, что за kusou²⁸ здесь происходит? – наступал невысокий относительно собеседника Анжело. Его оппонент, вытаращив глаза, медленно пятился и порывался поднять руки. – Кем, по-вашему, могли бы быть сообщники наших беглецов? Уж не лоцманы ли это?!

Под конец фразы голос ооновца тонко взвился, и ему пришлось прокашляться, чтобы замаскировать конфуз. Ситуацию спас Мягков. Он вклинился между Оосавой и Фишером-старшим и устоялся на первого своим блеклым, но тяжелым взором. Анжело невольно сделал шаг назад.

– Я правильно понимаю, что властные структуры в вашем лице снова горят желанием начать «охоту на ведьм»? – вкрадчиво, чуть ли не кротко, прошептал Кирилл, не опуская взгляда.

«Как удав и кролик, – подумал Саймон. – Точнее, два удава. Мастера подковерных извилов и угрожающего шипения».

– Вы что же, всерьез думаете, что Семьи пошли бы на такое?

Воздев ладони, обвинитель выразительно пожал плечами.

– Мало ли что я думаю? Факты, Кирилл, факты: только что на моих глазах четыре лоцмана уволокли на закорках четверых арестантов. А еще трое находились при этом по другую сторону решеток – и теперь прикидываются невинными овечками. Madre de Dios²⁹...

Но человека в сером оказалось не так-то легко смутить. Он заинтересовано наклонил голову, пожевал губами и осторожно полюбопытствовал:

– Мне кажется или это старый добрый расизм?

Анжело поперхнулся и сбледнул. Обвинение было серьезным. А Мягков, усугубляя эффект, рубанул:

– Какой смысл нам – нам, уважаемый Оосава, официальным представителям Семей! – так подставляться? Особенно в вашем присутствии? Думайте, пожалуйста, думайте. Не мало, а много думайте. Это полезно.

Бледность ооновца на последних словах оппонента прошла, снова сменившись гневным багрянцем. Он набычился и хотел что-то рявкнуть, но тут вмешался Саймон:

– Я знаю, где наши беглецы.

Немая сцена случилась вновь. Правда, на этот раз присутствующие пришли в себя быстрее. Первым, что любопытно, опамятовался Керн. Он выглянул из-за «Голиафа» и задумчиво почесал кончик носа.

– А, простите, откуда...

– Не откуда, а куда, – перебил его Саймон, а затем обратился к Оосаве. – У вас ведь есть доступ к службе орбитального контроля?

К чести Анжело, тот соображал споро. Хлопнув в ладоши, он скомандовал:

– В катер! – и отдельно, обернувшись: – Керн, наведите тут порядок!

Молодой лоцман прикинул позицию, схватил устремившегося к выходу ооновца за рукав – и шагнул. Не ожидавший подобного, Анжело зашатался, но упал удачно – в кресло. Телохранитель, бдивший возле шлюза, не проявил ни грамма удивления: вошел, кивнул прибывшим,

²⁸ Дерьмо (яп.).

²⁹ Матерь Божья (исп.).

включил голоблок стратегического ИИ. *Шагнувший* чуть позже Фишер-старший, неизменно сопровождаемый Мягковым, с уважением поцокал языком. Подобные устройства, точнее, целый комплекс, включая и сам искусственный интеллект, стоили больше, чем катер, в котором размещались, и шли в основном на нужды армии.

– Ну? – Терпение Оосавы балансировало на той тонкой грани, когда новый взрыв мог последовать буквально через мгновение. Саймон решил не нагнетать.

– Некоторые лоцманы *чувствуют* не только свои *переходы*, но и чужие. Я – *чувствую*, – уточнил он. – Отец тоже, но хуже. – Соломон улыбнулся и развел руками. – Чего не *чувствует* почти никто, так это вектор. Особенно если это индивидуальный перенос. Нам крупно повезло, что их было четверо – я смог засечь... Не координаты, но примерные направление и дальность. Это где-то рядом.

– Насколько примерные? – буркнул ооновец, выходя на связь с нужными службами. Карта системы уже светилась в центре комнаты, и в данный момент к ней добавлялись точки, эллипсы и касательные. Молодой лоцман покривился.

– Плюс-минус километр. Я не каждый день это делаю...

Оосава оторвался от разговора с диспетчерами и воззрился на Саймона. Остальные тоже потрясенно молчали.

– И он еще прибедняется, – резюмировал Фишер-старший, хлопнув ладонью по колену. – Сынок, напхни, чтобы я поговорил с функционерами Профсоюза о премии. Скажем, пара годовых окладов...

Не вытерпев, Анжело перебил:

– И где?

Саймон запросил доступ, повертел модель, подвигал масштаб. Прикрыл глаза.

– Здесь. – Палец обвел область на высоте парковочной орбиты Нового Эдинбурга, с другой стороны планеты относительно местоположения катера. – Трясите контроль, теперь их очередь на вазелин.

Проигнорировав колкость, замглавы Четвертого комитета принялся переругиваться с ответственными лицами. Соломон подвигал носом, хмыкнул и, видимо пытаясь сгладить неловкость от предыдущей беседы, задал вопрос:

– Анжело, а где ваша секретарша? Вы все сам да сам...

Выкроив мгновение, тот отмахнулся:

– В офисе, на Земле. Ей есть чем заняться, а в поле я привык работать лично. «Свой глазок смотрок», как русские говорят. Подождите... – Лицо Оосавы стало задумчивым, затем он вывел полученные данные на карту. – Этот район пуст. Там никого не было в обозначенное время. И за полчаса до – тоже. Подозрительно как-то даже, удобная орбита, а простаивает...

Нахмурившись, молодой лоцман наклонился вперед и помедитировал на голограмму.

– То есть вообще ничего?

– Радары, оптика, гравиметрия, – выводил подписанные объемы с информацией ооновец. – Чисто, как у девственницы.

– Оптика, – пробормотал Саймон и сощурился. Мысль не давала ему покоя. – Оптика... Ведь есть на этом камне астрономы?

– Обсерватория на обратной стороне Хаггиса, – при упоминании национального шотландского блюда, давшего название местной луне, Анжело покривился. – Но они выше.

– На поверхности, – ткнул пальцем вниз Фишер-младший и, раздражаясь непонятливостью окружающих, пояснил: – Любители.

– А-а-а... – протянул Оосава. Затем его осенило, и он воскликнул в совсем ином ключе: – А-а-а! Uno momento³⁰!

³⁰ Один момент (*исп.*).

Оперативности местных внутренних органов можно было только позавидовать. Уже через час полный перечень проданных и ввезенных на планету телескопов, подзорных труб и цифровых биноклей – с указанием владельцев – был составлен, прислан и развернут. А еще через два Саймон устало потер лицо, отхлебнул замечательный, сваренный в джезве телохранителем Оосавы кофе и проворчал:

– Если метадата не врет – вот ваши беглецы. По тоннажу похоже на то, что я почувствовал... Анжело, а еще еда у вас есть?

Ооновец ответил не сразу. Он сверился с данными орбитального контроля, снова уставился на изображение. А потом пробормотал в тон вопросу:

– На социалке сгною разгильдяев. – Затем спохватился и позвал охранника: – Йорген, организуй нам обед. И вот что интереснее всего, – в голосе Оосавы, когда тот указующе ткнул пальцем, звучало чуть ли не восхищение. – Где они взяли этот реликт?

Глава 7

Попытки создать идеальный корабль предпринимались энтузиастами своего дела во все времена.

Над этой задачей ломали головы еще тогда, когда деревянным – а позже металлическим – коробкам приходилось бороздить не разреженный межпланетный газ, дилетантами ошибочно именуемый «вакуумом», а вполне себе упругие и хлесткие волны морей да океанов. Уже в ту пору многие решительно настроенные конструкторы, некоторыми из современников называемые отважными визионерами, а некоторыми – придурковатыми прожекторами, озадачились идеей сотворения такого судна, чтобы «и в пир, и в мир, и на абордаж, и тоннаж, и экипаж, и авианесущая палуба».

Увы, история и практика показали полную несостоятельность подобных замыслов.

Ну посудите сами. Если корабль забронирован от макушек мачт до гребного винта, это резко увеличивает его массу и снижает маневренность. Если, наоборот, воткнуть на него несколько силовых установок и придать обводам гидродинамические профили, облегченная конструкция не выдержит и одного меткого попадания. Орудийные башни, десантные катера, возможность погружаться в бездонные пучины или, наоборот, покорять небеса звеньями юрких истребителей – все это требует специализации и уступок законам физики, принципам сопромата и экономическим реалиям.

С началом эпохи покорения космоса вся эта эпопея дала новый виток. В первую очередь решались задачи разведки и колонизации: как доставить на свежесобнаруженные миры – с индексом подобия от «ноль восемь» до «ноль девяносто девять» – самих колонистов, сотни единиц необходимой им техники и аппаратуры, а также тонны и кубометры первичных расходников. Землю охватил кораблестроительный бум. И каждый заявлял, что именно он проектирует универсальный планетолет, на котором и грузы, и пассажиры, и вооружение – на всякий пожарный.

Что удивительно, кое-кому это даже удалось.

Колониальный транспорт серии «Группер» являлся далеким-далеким предком того самого «Нарвала», на котором работал Саймон. У проектировщиков вышло поистине уникальное судно, предназначенное в некотором роде «на заклятие»: после посадки на планету подразумевалось, что корабль больше никогда и никуда не поднимется и поселение станет развиваться вокруг него, используя структуры, оборудование и мощности «Группера» для нужд колонистов. Для дальнейшего же исследования планеты, системы, а также межсистемного сообщения каждый такой транспорт имел пару модулей-челноков класса «Ремора».

Именно характерные, приплюснутые обводы «Реморы» на плоском стоп-кадре наблюдали в данный момент все присутствующие.

– А хороший у этого чудика телескоп, – с одобрением заметил Фишер-старший. Остальные обернулись. – Ну, для колониального астронома. Прекрасное разрешение. Я в детстве сам того... Баловался...

Он покраснел. Оосава, проявив неожиданный для своего характера такт, решил сместить точку фокуса.

– Если это продвинет наше расследование – объявим любителю звездного неба официальную благодарность. Как там, кстати, его зовут... Арнери Гаспар, доктор астрофизических наук. М-да. И кстати о благодарностях.

Анжело откинулся на спинку кресла, свел пальцы подушечками вместе и полюбовался на уминающего недурной стейк Саймона. Тот пару секунд ничего не замечал, а затем спохватился и отставил тарелку.

– Что? – прозвучало резковато, но молодой лощман считал, что имеет полное право возмущаться. В конце концов, еда стынет.

Ооновец сделал вид, что не заметил тона.

– Саймон, как вы смотрите на должность в Четвертом комитете?

Воцарилась мощная тишина. Мягков, тоже ковырявший вилкой в посуде, приподнял брови. Соломон откровенно выкатил глаза и чуть не закашлялся, а сам герой дня нахмурился в недоумении.

– С какого... перепуга? – удалось подобрать цензурный синоним. Оосава откинулся еще сильнее и довольно потер ладони.

– Ну, давайте посчитаем. Вы в одиночку обезвредили четверых террористов, будучи при этом под действием некоего, доселе никому неизвестного, как я понимаю, поля подавления лощманских способностей. Это раз.

– Повезло, – буркнул Саймон, возвращаясь к жеванию. – Разозлился. Плюс тренировки.

– Далее, – развивал мысль Анжело, игнорируя контраргументы собеседника, – во время беседы с подозреваемой вы проявили достаточно сдержанности, хладнокровия, – тут у Фишера-младшего глаза начали округляться, – и развитые коммуникативные навыки. Это два.

Фишер-старший с недоверием уставился на сына, а тот беспомощно пожал плечами. Мягков откровенно веселился.

– В довершение всего вы смогли засечь точку, в которую произвели *переход* наши беглецы, и высказали отличную идею с опросом астрономов-любителей, которая по-хорошему должна была прийти в голову мне. Это три, – подвел итог ооновец и со вкусом отхлебнул собственный кофе, принесенный Йоргеном. Возникла пауза.

– Слушайте, – пытался собраться с мыслями Саймон, – все эти дифирамбы... В общем, я сейчас не в той форме. Мне бы домой. – Эта мысль казалась все притягательнее, да и как повод отказаться от немедленного принятия того или иного решения смотрелась вполне себе. – Ведь не каждый день так развлекаюсь.

Соломон одобрительно закивал, тоже принимая чашечку с ароматным напитком.

– Эт верно, эт правильно. Дом, милый дом! – Он улыбнулся доверительно и обезоруживающе. – Нет для лощмана большей ценности, чем Семья. Вы уж отпустите нас с сыном, – просьба была обращена к Оосаве, и тот поморщился, но промолчал. – Ему нужен отдых и покой. Да и меня с Кириллом дела ждут.

– Собственно, я тоже собирался обратно, на Землю, – задумчиво протянул собеседник. – Дальнейшее мое присутствие здесь уже не требуется, текучка, опять же, накопилась... Подберите? – шутливо подмигнул он Фишеру-старшему.

И тот ответил в тон:

– Не в первый раз за сегодня. Билет туда и обратно, Анжело. Насчет оплаты не волнуйтесь: за счет Семьи. – И он коротко хохотнул. Саймон с недоумением слушал, а потом до него дошло.

– Ты сам *шагал*?!

Отец расправил плечи и надул щеки.

– Ну дык, чай, не лыком шит.

Выражение было почерпнуто из все той же классической русской литературы, и юный лощман против воли рассмеялся. Потом встал и предложил:

– Может, я тогда?

Возникла заминка. Оосава переводил взгляд с одного Фишера на другого. Старший махнул рукой:

– Отдыхай, отдыхай. Я же сказал – отпуск. Вот и пользуйся.

Саймон воспользовался. Что любопытно, до этого момента он никогда не видел отца за работой. Даже в детстве. Поэтому, удобно устроившись в свободном ложементе пилотской кабины, юный лощман принялся наблюдать.

В *заgone* Соломон вел себя строго по наставлениям преподавателей Академии: раскинул руки, прикрыл глаза, расслабленно повис над постаментом. Сразу вспомнились часы практических занятий, демонстраций, *тридео*-лекций, отсмотренных по учебе и по собственной инициативе. Поза отца выглядела настолько типовой, что Саймон непроизвольно обернулся, ожидая увидеть сокурсников, внимающих указаниям тьютора.

Затем почувствовалась ожидаемая чесотка. Младший из Фишеров прикинул, куда целится старший: ага, отец решил пойти по длинному маршруту, в большее количество *переходов*. Ну, с другой стороны, оно даже безопаснее. Не всем же носиться по звездной тропе – некоторым и шагом неплохо.

Узор созвездий на проекционной сфере моргнул и сменился. Соломон довольно крикнул и открыл глаза.

– Ну, как я, еще ничего для старика?

Воздержавшись от возведения очей горе, молодой лощман сдержанно похвалил:

– Ты же Фишер. Было бы странно...

Йорген, оказавшийся еще и пилотом, внезапно обернулся:

– Господин Фишер, позвольте сказать. Это большая честь. Сам глава Семьи... Только не сдавайте меня господину Оосаве: мне вообще-то запрещено разговаривать с посторонними, когда я при исполнении.

Улыбка подняла уголки его рта, что смотрелось на доселе строгом и практически бесстрастном лице предельно чуждо. Но неожиданно обаятельно. Саймон кивнул, развернулся к отцу и повел руками в сторону телохранителя: мол, ну вот тебе и подтверждение. Тот снова цокнул языком и предупредил:

– Следующий *переход* через пять.

Наконец появилось время немного расслабиться. Юный лощман валялся в ложементе, рассеянно наблюдал за работой отца и Йоргена, думал о своем. Точнее, о чужом: о веснушках Магды. И об улыбке – конечно, не пилотской.

«Вот же странное дело, – вертелась у него в голове навязчивая мысль. – Считается, что для того, чтобы стать лучшими друзьями, двум сильным мужчинам обязательно надо как следует подраться. Интересно, а если один из драчунов внезапно симпатичная девушка, это тоже работает? А если после драки ты допрашивал ее, стоя по другую сторону тюремной решетки? Как тогда?»

Наконец, катер оказался на орбите самой главной планеты Объединенных Систем – голубовато-бело-серого шарика под названием Земля. Саймон поймал себя на ощущении, что успел соскучиться по колыбели человечества. Он редко испытывал религиозные чувства, но в этот момент вдруг захотел вознести хвалу святому Циолковскому – за то, что все космические корабли когда-нибудь возвращаются домой.

Оосава, о чем-то полемизировавший с Мягковым, привстал в кресле, когда Фишеры вернулись в кают-компанию.

– Вижу, мы добрались. Ну что ж, благодарю за сотрудничество, господа лощманы. Я мог наговорить резкостей, прошу за это простить, работа нервная... Саймон, подумайте над моим предложением. – Он покачал указательным пальцем.

Соломон кивнул вместо сына и ответил:

– Мы подумаем, – и, обращаясь к Саймону, добавил: – Давай на площадку у главного фасада, к фонтану. Там тебя уже ожидают.

Молодой лощман поморщился. Ох уж эти Семейные заморочки... Он представил многочисленную родню, всех этих братьев, сестер, кузин, кузенов, дядь, тетя и прочую шушеру.

Хорошо хоть мать встречать, скорее всего, не выйдет – она на последнем месяце, ей волноваться нельзя. А так бы еще и слезами полили. Фальшивыми, конечно, но... Бр-р-р. Что поделаться, придется терпеть. Саймон собрался с духом и *шагнул*.

Реальность оказалась хуже ожиданий. Гораздо, гораздо хуже.

На широких, плоских ступенях толпилась чертова уйма народу – и все они как один были репортерами. Единственный свободный пяточок, куда с легким, едва слышным хлопком материализовался Фишер-младший, окружало кольцо охраны с носимыми силовыми щитами. Впрочем, какой-то вертлявый тип с хорячьими глазками умудрился нырнуть между фигурами в серых костюмах и, сопровождаемый репортажным миниботом, подскочил к Саймону.

– Скажите, вы ощущаете себя героем?

Сзади хлопнуло еще раз. Фишер-старший, по-хозяйски положив сыну руку на плечо, покровительственно бросил:

– Да куда же он денется. Герой и есть! Будущий глава Семьи...

Медленно, но верно закипая и чувствуя, как багровеют уши и скулы, «глава Семьи» развернулся и уставился в глаза. В когда-то ярко-синие, но потускневшие от времени «фишеровские» глаза, которые в данный момент искрились от удовольствия. Ну конечно же. Отец не упустил повода еще немножко приподнять престиж предприятия. С трудом сдерживаясь, Саймон прошипел:

– Я ощущаю себя, как un morceau de merde³¹.

И снова *шагнул*. Наугад. Навскидку. Куда угодно, лишь бы подальше.

³¹ Кусок дерьма (*фр.*).

Глава 8

Есть такие уголки мира, время в которых словно остановилось.

Нет, конечно, речь не идет о бесплодных песках, океанских глубинах или молчаливых, стылых пещерах. Даже в этих, казалось бы, пустынях все равно продолжается то или иное копошение жизни, привнесенное туда ее вездесущими агентами – животными, растениями, грибами, микроорганизмами... Людьми.

Речь идет о таких местечках, где темпоральная петля проигрывает себя, будто антикварный, заезженный компакт-диск: снова и снова, по кругу, непрерывным и неизменным циклом. Ты знакомишься с подобными тихими заводями в детстве – и навсегда сохраняешь о них теплые, уютные, золотистые воспоминания. Потом опять попадаешь туда, будучи уже взрослым, умудренным, тертым и битым. Ходишь, смотришь. Не веришь глазам.

Все так же тикают на стене механические – честное слово, механические! – ходики, которым вторит по ночам жук-древоточец. Стол накрыт выцветшей, порезанной столовыми ножами скатертью, и ты даже помнишь, как сам проколупал вот эту конкретную дырку, пытаешься отвертеться от полезной, но крайне неприятной манной каши. В коридоре от веранды до столовой ты спотыкаешься об коробку со швейной машинкой – и знакомо потираешь знакомый синяк, поражаясь, насколько же ничего и никак в этом месте не изменилось.

Нет, перемены происходят. Всегда и везде. Ель возле крыльца подросла, и теперь ее нижние ветви утыкаются тебе чуть ли не прямо в лицо, стоит начать спускаться по ступенькам. Один из валунов, окружающих клумбу, лопнул пополам – видать, по трещинам просочилась вода, которая в суровую зиму замерзла и порвала камень. Соседские дети не зовут играть, а обращаются опасливо и уважительно, на «вы». И ты понимаешь: время тебя немножко обмануло. Но ты вроде как и сам рад обмануться.

Именно эти ощущения испытал Саймон, когда после своего спонтанного *перехода* очутился на смутно знакомом, перечеркнутом удлиняющимися тенями пляже. «Все верно, – мелькнула отстраненная мысль, – дома было раннее утро. А на Фиджи, значит, поздний вечер. Удачно попал».

На причале, окунавшем металлопластиковые опоры в расплавленную медь закатной дорожки, в плетеном кресле сидела смуглая старушка в панамке. Она что-то читала с планшета, который выглядел минимум раза в три старше ее самой. Залетный гость решил уточнить свое местоположение.

– Mbula³²! – выкрикнул он, мучительно пытаясь освежить в памяти скудный словарный запас. – Vosoti au, vei au³³...

– Да ты не хипеши, лоцман, – откликнулась бабуля, не отрываясь от чтения. – Я и на системном волоку.

Акцент в ее речи практически не ощущался. А вот Саймон почувствовал себя дураком, уже который раз за день. Нет, за утро. Нет, вечер же! Кстати, недурно было бы подремать – когда последний раз спал, сутки тому назад, дольше? Сдерживая накатившую от этих мыслей зевоту, он подошел ближе.

– А почему сразу лоцман?

Не ворчать в любимой манере оказалось сложно, но он почти сдержался. Старушка наконец отложила планшет и повернула к нему морщинистое, улыбчивое лицо.

– А кому сюда еще сваливаться с такой кислой рожей? Ну и хлопнуло немножко – я слышу-то неплохо для своих лет. А уж два и два складывать умею.

³² * Здравствуйте (*фидж.*).

³³ Прошу прощения, где я? (*фидж.*)

На самом деле акустическое сопровождение от *перехода* было едва слышным. Лоцманы инстинктивно контролировали баланс материи в том месте, куда *шагали*, – и это особенно нервировало ученых, изучавших феномен. Другой вопрос, что при переносе массы, превышавшей определенный предел, свой для каждого лоцмана, подобный контроль осложнялся. Поэтому корабли все же таскали за пределами атмосферы, чтобы не возникало катастрофических перепадов давления.

– А кроме того, тут один из ваших регулярно швартуется. Вы с ним похожи. Родня, что ли?

Саймон вскинулся:

– Подождите... Какой это остров?

– Моала, вестимо, – удивилась бабуля, поправив панамку. – Ты что же, не знал, куда прыгал?

Лоцман обругал себя последними словами. Хорош гусь! А если бы в море плюхнулся? Ну ладно в море, а если в скалу, на атомарном уровне? Хотя инстинкты сработали как надо – и, по ходу дела, довольно удачно. То-то пляж таким знакомым показался.

– Анджей Фишер, – уточнил горе-путешественник, показывая для убедительности ладонью на себя. – Мой дядя. Не подскажите, где он сейчас?

Старушка окинула его внимательным взглядом, пожевала губами.

– Вообще-то информацию о клиентах разглашать нельзя. Стандарты компании, да и по-человечески нехорошо. Но ты лоцман. И ты похож на своего дядю. А он хороший человек. – И, озвучив это парадоксальное наблюдение, смотрительница причала поколдовала над смартфоном. – Вот, лови карту. Там стоит метка на яхту. В гости?

– Ага, – обрадовался Саймон, чуть ли не впервые за последнее время. – Спасибо. Честно, очень помогли.

– Привет ему переда... – проворчала бабуля, но лоцман уже *шагнул*.

И чуть не врезался в широченную, густого шоколадного колера спину. Спина медленно обернулась и проревела:

– Ойя, Сэмми, малыш! Ты ж так угробишься!

«Малыш» сделал шаг назад, потер чуть было не расплющенный нос и честно признался:

– Ага. Что-то я сегодня лажаю.

Иясу Гэбрэ, двухметровый и широкоплечий амхарец, давний и верный друг дяди Анджея, широко улыбнулся, сверкнув жемчугом зубов, и, сбавив тон, попенял:

– Давно к нам не забредал, паршивец. Молодец, кстати, что без приглашения. Договариваться заранее – что может сильнее испортить удовольствие от встречи? – И он крепко обнял гостя. Ребра протестующе хрустнули.

У Саймона по поводу внезапностей было свое мнение. Но озвучивать его он не стал, а вместо этого, пережив медвежьи ласки, уселся на скамью под фальшбортом.

– Плавает? – Кивок на волны показал, о ком идет речь.

Иясу вздохнул:

– Уже час как. Сказал, мол, видел тунца, центнера на полтора. Взял свое ружье – и нырнул. А я тут переживай.

Он уселся напротив и вздохнул еще раз. Саймон хотел было протянуть руку и похлопать гиганта по плечу, но вспомнил прикосновение отца – и сам дернулся. Гэбрэ отметил это движение.

– Тяжело было?

– Что именно? – осторожно уточнил лоцман. Амхарец хмыкнул и развел руками.

– И то, и то. Корабль тащить, людей спасать – верю, что непросто. Я в ваших лоцманских делах ни в зуб ногой, но верю. А вот твое шедевральное по краткости интервью только что выложили чуть ли не все стрим-каналы.

Саймон застонал и уткнулся лицом в ладони. Иясу хотел еще что-то сказать, но отвлекся. Он посмотрел в сторону, характерным для чтения смарт-данных расфокусированным взглядом, а потом поднялся.

– Ну все, возвращается охотничек. Наверно, добычу тащит...

Действительно, неподалеку от борта сначала показался ярко-оранжевый буй, а затем голова в маске оксигенатора. Маска раздвинулась, и на любопытствующих посмотрели холодные голубые глаза. «Совсем другие по сравнению с отцовскими», – подумалось Саймону. Обладатель пронзительного взора тем временем подплыл к заднему трапу, перекинул через борт гарпунное ружье и поднялся сам.

– Кран готовь, я его таки взял, – скомандовал он амхарцу, и тот принялся поворачивать за борт стрелу подъемника. А сам Анджей Фишер шагнул вперед и, как был, мокрый и слегка продрогший, обнял племянника. – Здравствуй, Сэм. Давно к нам не забредал.

Укороченную, а тем более ласкательную форму своего имени Саймон не любил. Но этим двум людям он простил бы, даже если бы они начали и далее ее коверкать в меру своей фантазии. Именно потому, что не стали бы, а также потому, что здесь это ощущалось не самым важным в жизни. Особенно по сравнению с уровнем принятия самого юного лоцмана как личности.

После того, как они втроем затащили на палубу тушу здоровенной рыбины с засевающим в ней гарпуном, Гэбрэ уволок добычу на небольшой камбуз – разделять, охлаждать и готовить. По части рыбных блюд ему не имелось равных, и сам Анджей вмешиваться в кулинарные таинства даже не рисковал. Вместо этого он влез в шорты, футболку, накинул на плечи слегка линялое пончо и уселся, вытянув голенастые ноги.

– Ну, рассказывай.

– Да что там... – смутился лоцман. – Про транспорт вы, как я понял, уже в курсе.

– В курсе, – согласился Анджей и, порывшись в боковом кармане шорт, вытащил пачку сигарет. Единственная роскошь – помимо личной яхты, естественно, – которую он себе позволял. Стоил настоящий, не облегченный табак бешеных денег. Впрочем, тут его Саймон со своей любовью к односолодовым изыскам вполне себе понимал.

– А еще я в курсе, – продолжал дядя, затягиваясь, – что когда у тебя эдакое выражение лица, то, значит, ты опять перессорился со всей родней и пришел ко мне искать утешения. Которого я тебе, естественно, не дам. Потому что только ты сам можешь все для себя разложить по полочкам. А я – ну, помогу. Чем смогу.

Вместо ответа Саймон скинул ему первую попавшуюся ссылку на собственное явление пред светлы очи сборища репортеров. Анджей просмотрел, затем снова затянулся.

– Судя по всему, история там длинная и непростая. Ты отучился откалывать подобные номера лет в четырнадцать, если моя память не спит с другим.

– Я ей посплю, – грозно посулились с камбуза, и старший из присутствующих Фишеров улыбнулся.

– Значит, помню верно. Давай признавайся, что тебя так проняло, что ты окрылся на невинную шуточку моего любезного братца.

Слегка сбиваясь на спорных, по собственному ощущению, моментах, молодой лоцман пересказал события последних суток. Дядя не перебивал. На камбузе стучали ножами и что-то зазывно булькало. Солнце практически село.

– А еще я так и не могу понять, – признался Саймон.

Кинув окуроч в глубокую пепельницу, Анджей уточнил:

– Не можешь понять что именно?

– Понять... кто я, – смог, наконец, сформулировать племянник.

Он потер переносицу и уставился на волны, ведущие свой гипнотический танец испокон веков. Им не было ровным счетом никакого дела до лоцманов, террористов и поисков смысла жизни.

– Я занимаюсь каким-то подростковым самокопанием, – оторвав взгляд от воды, пожаловался Саймон. – То ощущаю себя частью Семьи, то вскидываюсь на любые попытки примазать к общему делу. То бросаюсь спасать корабль, падающий в колодезь, то огрызаюсь на людей, обращающихся ко мне «эй, лоцман». Я не вижу своего места в мире, – признался он, осознав, что же тревожило все это время на самом деле. – Я точно знаю, чего не хочу, но не знаю, чего хочу. Да и с «не хочу» тоже все как-то мутно. А теперь еще эта история...

– Не вижу противоречий, – отрезал старший Фишер и поднялся во весь свой немаленький рост. – Ты можешь быть кем угодно и делать при этом что угодно. Все ограничения – у тебя в голове. – Костлявый, длинный палец постучал по лбу. – Мой брат, несомненно, ответственный человек, пекущийся о долге перед Семейей. Только он забывает, что есть жизнь и помимо этого. И ты вовсе не обязан стать новой и улучшенной копией его самого.

– Да я осознаю... – протянул Саймон, но тут снизу снова окрикнули:

– Все готово! Садитесь жрать, пожалуйста! – И через мгновение: – А то я поднимусь и надеру ваши тощие белые задницы!

– А вот это серьезно, – флегматично отметил Анджей и направился к спуску в трюм. – Ты хочешь с ним ссориться? Я бы не рекомендовал, – закончил он фразу, ныряя под притолоку.

Молодой лоцман хрюкнул, сдерживая смех. Посмотрел бы он на того, кто решит ссориться с Иясу Гэбрэ! Может, даже венки на могилку бы пожертвовал.

И тут смарт выкинул уведомление о вызове. Канал не опознавался в списке доверенных, но на запрос идентификатора всплыла пафосная табличка: «Заместитель главы Четвертого комитета ООН Анжело Оосава». Саймон мысленно застонал. Тут же вспомнилось еще одно классическое произведение русской литературы: «И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги...» Но ответить пришлось.

Ооовец выглядел так же устало, как ощущал себя сам лоцман. Тем не менее он улыбнулся и достаточно вежливо поинтересовался:

– Доброго... ага, вечера. Прощу прощения, если отвлекаю – *me scusi*³⁴. Саймон, вы могли бы завтра заглянуть в Женеву?

³⁴ Прощу прощения (*ит.*).

Глава 9

Комплекс Дворца Наций, построенный в начале двадцатого века, смотрелся внушительно. Центральное здание своим прямоугольно-ступенчатым профилем отдаленно напоминало оба знаменитых мавзолея. Впечатление усугублялось выросшими на фоне общего ансамбля парными небоскребами, относительно успешно стилизованными в той же манере и из-за этого вызывающими ассоциации с египетскими обелисками.

Рассветное солнце уже успело окрасить светлые мраморные стены в теплый оранжевый тон, и мягкие утренние тени спешили смениться глубокими, контрастными дневными. Поток посетителей, настроенных прикоснуться к истории ООН, не оскудевал. На Саймона, *шагнувшего* прямо посреди парка Ариана, никто не обратил внимания: мало ли лоцманов на Земле? Кроме того, европейские традиции подразумевали, что проявлять любопытство, изумляться необычному – неприлично.

Сама Европа, как некое территориальное объединение близких по уровню культуры и развития стран, давно утратила актуальность. Она, скорее, превратилась в туристический аттракцион планетарного масштаба. Каждый второй колонист горел желанием хотя бы раз в жизни ощутить сопричастность ко все еще живой истории человеческой цивилизации. Прибыв на родительскую планету по делам и выкроив из них свободный денек, почти никто не упускал шанса пройтись по узким, мощенным булыжником улочкам, посидеть в кабаке, который «стоял тут со времен древних римлян», закупить сувениров и нашелкать *тридгов*.

У местных обитателей, аборигенов тех самых улочек, все это вызывало снисходительные, покровительственные усмешки. Булыжник давно был заменен стойким литопластом, пиво для подвального кабака варили на многоцелевом пищекомбинате, с доставкой малых партий грузовыми дронами, а сувениры оказывались произведены где-нибудь на Тьянтан-Шихуанди – за тридцать парсек от Солнечной системы.

Впрочем, все это не имело ровно никакого значения. Подлинными всегда оставались лишь эмоции и воспоминания. Если – а точнее, когда – жизнь выбрасывала «зеро», они доставались из-под полога памяти и помогали вынести, перетерпеть, а то и преодолеть. А уж как все было устроено на самом деле – так ли оно оказывалось важно?

Сейчас же Саймон шел на встречу с человеком, который как раз отвечал за «устроено на самом деле» – по целому ряду важных вопросов.

Осава скинул ему и схему здания, и указатели, и допуски, долженствовавшие укротить служебный пыл охраны. Но все равно пришлось изрядно поплутать. На ум пришло выражение «коридоры власти». И в коридорах этих обретались вполне себе решительно настроенные «псы режима» – вооруженные и с детекторами.

– Прошу простить, – покачал головой замглавы Четвертого комитета, широким жестом приглашая гостя к удобным креслам. Те выглядели действительно древними; возможно, ручной работы. – После теракта мы просто обязаны были ввести повышенные меры безопасности. Таков протокол. Вы не представляете, как сложно порой проявить инициативу в условиях подобной зарегулированности. – И он улыбнулся, подразумевая, что упомянутую инициативу как раз и реализует в данный момент.

Саймон сдержанно кивнул и устроился на сиденье.

– У вас остались ко мне какие-то вопросы? – уточнил он, когда Анжело лично вручил лоцману широкий стакан с чем-то зазывно благоухающим. Впрочем, стоило подождать с выпивкой до прояснения ситуации.

Хозяин офиса, в который, к слову, юного Фишера впустили неохотно и с настороженностью, пожал плечами.

– Вопросы? Конечно. Мне всегда было интересно пообщаться с кем-то из Семей. Вы же понимаете: несмотря на привычность творимых вами чудес, многие простые люди до сих пор воспринимают их именно как чудеса. А я, в сущности, – он провел ладонями вдоль собственного тела, – тот самый простой человек, волею судеб оказавшийся наделенным правами и обязанностями.

Теперь улыбнулся и Саймон.

– Так-таки простой? – Он все же пригубил напиток, покатал по языку, аккуратно сглотнул. Великолепно. Любопытно бы разведать, где ооновец берет подобные изыски.

Оосава сощурился. Он явно понял подоплеку вопроса.

– Да, должен признаться, – наконец вымолвил он, – я специально изображал гневливого, властного чинушу-самодура в присутствии вашего отца и Кирилла Мягкова. Опыт показывает, что именно этого ждут от представителя силовых структур люди, от оных структур далекие. – Пожатие плечами и снова скользнувшая между губ улыбка. – Впрочем, подобным образом я еще и развлекся от души. Нет ничего дурного в том, чтобы получать от своей работы удовольствие в процессе.

С этим сложно получалось не согласиться. Саймон снова отхлебнул и опустил руку с емкостью.

– Давайте вернемся к делу. Я готов отвечать. Правда, не вижу, чем мог бы быть вам полезен – помимо всего прочего.

– О, это вы действительно всего лишь не видите, – оживился Анжело и стал похож на севшего в засаду кота. – А у меня есть к вам уже высказанное недавно предложение. Работайте на меня, Саймон. Я серьезно.

Возникла пауза. Молодой лоцман осторожно подбирал слова. На комм-узле кабинета Оосавы пару раз всплывали какие-то уведомления, но он, не глядя, сбрасывал их в «отложенное». Видимо, разговор оставался важнее.

– И все-таки я не очень понимаю, – решил быть честным Саймон. – Что вам в одном-единственном лоцмане? Или дело в том, что я из Фишеров? Вы хотите как-то сыграть на чувствах и самомнении отца?

– Не буду отрицать, такие цели в списке тоже есть, – согласился ооновец. – Правило хорошего тона в политике: если можешь одним действием добиться нескольких целей, добейся. Но в данный момент это не главное.

Анжело затих, а потом извинился, выудил из кармана пиджака портсигар и закурил. Мысленно юный лоцман восхитился.

То ли у Четвертого комитета отлично поставлена разведка – ну а как иначе? – и господин Оосава в курсе, что вчерашний вечер, ночь и большую часть дня по ту сторону земного шара его собеседник провел в обществе курящего родственника. Любимого курящего родственника, прошу заметить. То ли ему просто плевать на писанные и неписанные нормы и стандарты заботы о личном здоровье граждан Объединенных Систем и он хочет сыграть на этом дорогостоящем нонконформизме. Вызвать у собеседника симпатию тем или иным способом.

Наконец, Анжело решил перейти к делу. Он затаился поглубже, выдохнул дым через ноздри и наклонился в сторону гостя.

– Я уже объяснял вам – вкратце. Вы находчивы, сообразительны, способны к тактическому и стратегическому мышлению. В конце концов, вы *одарены* – данное при рождении в землю не зароешь. А еще вы умеете быстро принимать решения, которые позже оказываются вполне себе удачными. Удача в нашем деле, господин Фишер, – Оосава впервые назвал Саймона по фамилии, – не последний фактор.

– Ну хорошо. – Лоцман еще раз попробовал содержимое стакана. Положительно надо спросить контакты этой винокурни. – Предположим, вы спели мне дифирамбы, предположим, я действительно не так плох. Каковы мои резоны?

– Свобода выбора, – тут же парировал Анжело, очевидно ждавший вопроса. – И не стоит так кривиться, я не шучу. Позвольте изложить по пунктам?

Саймон, действительно изобразивший лицевыми мышцами нечто не сильно вежливое и уместное в разговоре с одним из высших чинов ООН, досадливо кивнул. Оосава подобрался и начал увещевать:

– Во-первых, так мы выводим вас из-под опеки Семьи Фишер. Я же вижу, что вы тяготеете навязанной ролью. «Делай то, не делай это, так не говори, эдак себя не веди...» Не буду врать – в работе на Четвертый комитет тоже требуется соблюдать и дисциплину, и некий поведенческий кодекс. Но это обоснованные требования, – выделил он голосом, – а не «тут так заведено». Разумно?

С разумностью юный лощман не спорил. На самом деле предложение Анжело звучало крайне соблазнительно. Но что-то внутри, какой-то дух противоречия и упрямства просто требовал покобениться и поворчать. Он и поворчал:

– Я перестану работать на Семью и Профсоюз и начну работать на вас и ООН. Не считите меня невежливым, но нет ли здесь обмена шила на мыло?

Оосава хохотнул, откинулся на спинку кресла и погрозил ему пальцем – шутливо.

– Вы действительно сложный собеседник. Неуживчивый, как мне вас описали. Впрочем, я успел убедиться.

Глава комитета побарабанил пальцами по портсигару, склонил голову набок и прищурился:

– Не стану врать: да, вы будете работать на меня. На ООН. На благо всего человечества, уж простите мой пафос. Но я предлагаю вам прежде всего интересную должность. И обязуюсь предоставить максимум воли в принятии тех или иных решений. Есть задача, – он повел рукой в сторону, – есть несколько путей решения, – другая рука сделала несколько махов, – а уж какой вы выберете, – ладони схлопнулись, – это решать вам и только вам. Ну, понятное дело, согласовывая со мной. Кто-то же должен обеспечивать подстраховку и ресурсы.

Выглядело все заманчивее и заманчивее. Прямо настолько, что тянуло отказаться. Впрочем, тут дело было, скорее всего, именно во врожденной неуживчивости, поэтому Саймон подавил свои инстинкты. Следовало выслушать хозяина до конца.

– Это было «во-вторых», – уточнил тем временем ооновец. – Есть еще и «в третьих». Вы нужны мне. – Он снова подался вперед. – Да, именно мне. Видите ли, Саймон, ни одна организация не является монолитной. Для вас, я думаю, это не секрет, Профсоюз и сам состоит из нескольких Семей, которые постоянно делят власть и меряются влиянием. Так же и в комитетах. Везде есть фракции, группки, течения... По мере сил я стараюсь свести их воздействие на практические результаты нашей общей деятельности к некоему выгодному для общества балансу. Я безнадежный альтруист, господин Фишер. – Анжело слегка беспомощно улыбнулся и закурил следующую сигарету. – Все пытаюсь нанести максимум добра и причинить разумное количество пользы. Получается же порой... как получается.

– Верно ли я понимаю, – осторожно уточнил Саймон, – что вам внезапно понадобился кто-то со стороны? Подозреваете внутренних врагов и не можете доверять своим?

– Ну вот, а вы говорите, «дифирамбы», – негромко проговорил Оосава, в очередной раз затягиваясь. – Вполне заслуженная похвала. Вы бы очень помогли мне, Саймон. Результаты ведомственных игр налицо: помните ведь, что корабль террористов не зафиксировался системой планетарного контроля? А технология подавителя – где они ее откопали? Что, сами ставили эксперименты? На лощманах? Да и вообще, уровень обеспечения... Кто-то играет против установившегося в мире порядка. Хочет перекосить баланс. Вы представляете, что начнется, если люди перестанут доверять ООН?

Саймон представлял. Несмотря на все пренебрежение идеалами и принципами, декларируемыми официальной властью, картина того, что произошло бы, если бы система начала

разваливаться, ужасала. Куча планет – и население каждой заперто в собственном мирке. Разобщенная экономика, разрушенные связи, удар по общественной морали... Он поежился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.